

Центральная городская публичная библиотека
им. В. В. Маяковского

Отдел петербурговедения

ДОМ
НА ФОНТАНКЕ

Санкт-Петербург
2013

ББК 63.3(2-2СПб)
Д 66

Печатается по решению администрации
ЦГПБ им. В.В. Маяковского к 145-летию библиотеки

Ответственный за выпуск
Савельева А. В.

Составители:
*Бушина С. С., Волкова С. А., Рудая З. А.,
Савельева А. В., Шубина Е. И.*

Библиографический редактор
Шубина Е. И.

В оформлении обложки использована
картина А. Б. Лаховского «Фонтанка». 1919

Д 66

Дом на Фонтанке: сборник статей / Центр. гор. публ.
б-ка им. В. В. Маяковского [сост.: Савельева А. В. и др.]. –
СПб. : Северная звезда, 2013. – 104 с.

Сборник включает статьи, рассказывающие о двух библиотечных домах на Фонтанке – № 44 и 46. Ряд публикаций, написанных сотрудниками библиотеки и историками-краеведами, уже были представлены в других изданиях, некоторые статьи печатаются впервые.

ISBN 978-5-905042-32-4

© ЦГПБ им. В.В. Маяковского, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>С. А. Волкова.</i> Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Петербурге (наб. р. Фонтанки, д. 44)	9
<i>Л. И. Бройтман.</i> Подворье Троице-Сергиева монастыря и соседние дворы в 1730 –1750-х годах . . .	30
<i>Е. И. Шубина.</i> Богословский институт и клуб «Старая и Молодая Гвардия» на Фонтанке	37
<i>Д. И. Иткин.</i> Историческая справка о застройке территории, отнесенной б. Свято-Троицко-Сергиевой Лаврой подворью на б. Московской стороне Санкт-Петербурга, адрес: наб. р. Фонтанки, д. 44 – ул. Рубинштейна, д. 3	59
<i>Е. В. Колюхова.</i> Новые материалы к архитектурной истории особняка графини Н. Ф. Карловой на Фонтанке, 46	72
<i>В. Г. Исаченко.</i> Архитектор Главного штаба	81
<i>Е. В. Колюхова.</i> Особняк на Фонтанке – музыкальный центр Петербурга конца XIX – начала XX века	84

Л. А. Ильин. Дом Карловой на Фонтанке, 46.
Ноябрь 1941 г. ГМИ СПб

Предисловие

В книге «Прогулки по Ленинграду», которую архитектор Лев Александрович Ильин писал в блокадном городе с июля 1941 до 11 декабря 1942 года, когда был смертельно ранен во время артобстрела на Невском проспекте, есть волнующие строки, посвященные дому (домам), занимаемым ныне библиотекой имени В. В. Маяковского.

«За переулком шаг домов учащается. За нейтральным по характеру особняком-клубом следует усадьба и дом, бывший Карловой, где необарокко XIX века смогло подняться почти до подлинного. Ворота с колоннами из тесанной плиты с бюстами наверху живописно прорезывают стену хорошей высоты и открывают вид внутрь на просторный пустынный двор. За ними особняк неожиданно выступает вперед на тротуар и отделяется от следующего дома крошечным неожиданным садиком-лоджией, тоже за высокой стеной. В нем растет сочный каштан, тоже нависающий своей густой шапкой на тротуар.

Следующий дом, в свое время бывшее подворье, когда-то выстроенное в формах русской архитектуры XVII века профессором Горностаевым, сейчас ободран, что сообщает ему нелепый вид. Он должен был бы связать дом Карловых с дворцом Белосельских, чего нет сейчас. Это надо непременно сделать с большим вниманием и тактом¹.

Это подворье отделялось маленьким пониженным звеном с дворцом Белосельских. Его обработка в будущем – интересная тема в области камерной архитектуры. Пышная высокая вставка в барокко при сдержанном барокко подворья создало бы из этого ряда домов прелестное сочетание»².

---

¹ Реставрация фасада выполнена в 1995 г. В другом источнике указана другая дата: см. статью С. А. Волковой в настоящем сборнике.

Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: справ. СПб., 2005. С. 779.

² *Ильин Л. А.* Прогулки по Ленинграду. СПб., 2012. С. 45.

Центральная городская библиотека живет в доме № 44 на Фонтанке почти 75 лет: въехала в 1940 году, когда еще не была Маяковкой. Здесь она вместе со своими читателями пережила блокаду Ленинграда, потом в 70-е годы прошлого века – многолетний ремонт, в ходе которого были окончательно утрачены все сохранившиеся детали интерьеров.

Прекрасно расположенный дом, один из самых старых в городе, за многие десятилетия стал неотъемлемой частью библиотеки. В конце прошлого века, в процессе возвращения отечественной истории, библиотека впервые заинтересовалась прошлым своего дома. Первой ласточкой оказался архитектор Д. И. Иткин, который обследовал здание, возможно, в связи с капитальным ремонтом, принес в библиотеку свою справку и фиксационные фотографии, предложил выступить перед читателями и сделал сообщение в историческом клубе.

В 2003–2005 году историей подворья Троице-Сергиевой лавры и в особенности его здания занимались сотрудники отдела петербурговедения С. А. Волкова и Е. И. Шубина. Обучаясь в Институте Петербурга, они написали под руководством известного экскурсовода, кандидата архитектуры И. И. Лисаевич дипломные работы, посвященные этому дому.

Работы были опубликованы в альманахе «Фонтанка»³. В ответ на публикацию поступило письмо от историка Петербурга Л. И. Бройтман, которая по своей картотеке подобрала сведения об исторической застройке этого уголка Фонтанки в XVIII веке и щедро поделилась ими (в картотеке исследователя собраны копии документов, хранящихся в Москве в Российском государственном архиве древних актов). Так появилась новая публикация, также в альманахе «Фонтанка»⁴.

В 1993 году, в год 125-летия библиотеки, мэрия Петербурга предоставила соседний дом – № 46. Разумеется, такие подарки

---

³ Волкова С. А. Дом на Фонтанке: история Троице-Сергиева подворья // Фонтанка. 2007. № 1. С. 9-17; Шубина Е. И. Петроградский Богословский институт // Фонтанка. 2007. № 1. С. 18-26; Шубина Е. И. Клуб «Старая и Молодая гвардия» // Фонтанка. 2007. № 2. С. 5-12.

⁴ Бройтман Л. И. Подворье Троице-Сергиева монастыря и соседние дворы в 1730–1750 годах // Фонтанка. 2008. № 3. С. 34-41.

библиотекам с неба не падают. Директор библиотеки им. В. В. Маяковского З. В. Чалова в статье, опубликованной в сборнике «Очерки по истории библиотеки», поведала, как это было⁵.

Почти сразу после передачи дома библиотеке здесь появилась историк Петербурга Г. А. Попова, от которой сотрудники впервые услышали его историю. Последний хозяин дома Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий, старший сын великой княгини Екатерины Михайловны (1859–1909), был выпускником двух немецких университетов, генерал-майором Русской армии. Герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий был известен как композитор-любитель, талантливый музыкант (виолончелист и пианист), организатор струнного квартета. Супруга герцога, Наталья Федоровна Ванлярская, в морганатическом браке получила титул графини и фамилию Карлова. Особняк графини Карловой является памятником архитектуры XVIII–XIX веков⁶.

Мекленбург-Стрелицким принадлежал и доходный дом, находящийся на территории усадьбы и выходящий на ул. Рубинштейна (б. Троицкая), 5. Оказалось, что в альманахе «Фонтанка» среди статей, написанных В. Г. Исаченко, есть одна, связанная с историей этого дома: она посвящена архитектору В. П. Стаценко, строившему доходный дом и перестраивавшему особняк⁷.

В 1993 году в Доме Карловой открылась мемориальная библиотека, посвященная князю Г. В. Голицыну, внуку последних владельцев особняка. Исполнительный директор библиотеки Е. В. Конюхова, продолжая дело Г. А. Поповой, глубоко погрузилась в изучение истории дома и жившей в нем семьи. Е. В. Конюхова ведет архивный поиск, публикует свои исследовательские работы, выступает на научных конференциях.

---

⁵ Чалова З. В. Библиотека: время и место // Очерки по истории Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского. СПб., 2008. Вып. 1. С. 142-149.

⁶ Попова Г. А. Особняк графини Карловой. СПб., 1996.

⁷ Исаченко В. Г. Архитектор Главного штаба В. П. Стаценко // Фонтанка. 2012. № 11. С. 59-61.

В данный сборник включены две ее работы, посвященные дому – обе публиковались в мало доступных изданиях. Одна – об архитектурных особенностях здания – среди материалов «Тихоновских чтений»⁸, другая – о музыкальной жизни дома – в двуязычном сборнике «Музыканты и меценаты»⁹, весь тираж которого отправлен в Германию.

Надеемся, что собранные под одной обложкой статьи дадут читателю, для которого дорог исторический Петербург, достоверное и достаточно полное представление об этом уголке города, ставшем домом для библиотеки им. В. В. Маяковского.

***Зинаида Абрамовна Рудая,**
зав. отделом петербурговедения
ЦГПБ им. В. В. Маяковского*

---

⁸ *Котюхова Е. В.* Новые материалы к архитектурной истории особняка на Фонтанке, 46 // Первые Тихоновские чтения: материалы конференции: 15 ноября 2011 года. СПб., 2012. С. 192-200.

⁹ *Котюхова Е. В.* Особняк на Фонтанке – музыкальный центр Петербурга конца XIX – начала XX века // Музыканты и меценаты = Musiker und Mäzene: юбилейное издание к 150-летию основания Санкт-Петербургской консерватории и 20-летию основания фонда «Гартов»/ [Фонд «Гартов» и др.; ред.: Бр. ван Канн и др.]. СПб., Гамбург, 2012.

*Светлана Анатольевна Волкова,
гл. библиограф отдела петербурговедения
ЦГПБ им. В. В. Маяковского*

**Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
в Петербурге (наб. р. Фонтанки, д. 44)**

*«...Надо заставить заговорить каменные громады,
надо оживить улицы, площади...»*

Столянский П. Н.¹

Здание под № 44 по набережной реки Фонтанки, бывшее подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, где находится ныне ЦГПБ им. В. В. Маяковского, известно всем.

Насыщенные необыкновенно яркими событиями биографии владельцев и архитекторов соседних домов – блестящего дворца Белосельских-Белозерских и особняка графини Карловой – более изучены и знакомы, чем судьбы скромных обитателей этого дома, история его появления и строительства.

Воссоздать страницы истории жизни Фонтанного подворья помогли:

– книги профессоров Московской духовной академии А. В. Горского и Е. Е. Голубинского, основанные на рукописном материале;

– работы выпускников Ленинградской православной духовной академии П. К. Колосова и В. Котлярова, содержащие факты из биографий людей, которых вспоминают не часто, несмотря на их весомый вклад в политическую и духовную жизнь не только Санкт-Петербурга, но и государства в целом;

– любезно предоставленный сотрудником Центрального государственного архива Санкт-Петербурга М. В. Шкаровским доклад «История Петербургского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга», прочитанный на научной

---

¹ *Столянский П. Н.* Санкт-Питер-Бурх, ныне Ленинград. СПб., 1927. С. 4.

конференции в Москве «История двух столиц в документах архивов Москвы и Петербурга» 15 сентября 2005 года;

– исторические справки: Л. И. Бройтман (предоставлена автором) и архитектора И. Д. Иткина (из архива ЦГПБ им. В. В. Маяковского);

– разрозненные сведения, найденные в фондах ЦГПБ им. В. В. Маяковского, Российской Национальной Библиотеки, библиотеки Духовной академии и Центрального государственного исторического архива².

Что же такое подворье? Кандидат архитектуры И. С. Семенова представила следующее определение:

«Подворье – представительства монастырей, духовных миссий, др. епархий (архиерейские подворья), а также иных православных поместных церквей, в столице или крупном городе, с храмом или часовней, келейными и хозяйственными постройками, на собственной территории, которые выполняют богослужebные, представительские, административно-хозяйственные, нравственно-просветительские и паломнические функции. В качестве сооружения монастырское подворье интересно тем, что оно объединяет в церковный ансамбль разнородные строения: храм, жилой дом и хозяйственные постройки»³.

---

² См. соответственно: *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра: жизнеописание преп. Сергия и путеводитель по Лавре. 3-е изд., с нов. доп. СПб., 2007; *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, составленное по рукописям и печатным источникам профессором московской духовной академии А. В. Горским в 1841 г. М., 1842; *Колосов Петр, диакон.* Петербургский период деятельности митрополита Филарета (Дроздова): курсовое сочинение. Л., 1968; *Котляров В., священник.* Троице-Сергиева пустынь Петроградской епархии: ист. очерк : курсовое сочинение студента IV курса. Л., 1958; *Шкаровский М. В.* История Петербургского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга : доклад на научной конференции «История двух столиц в документах архивов Москвы и Санкт-Петербурга» 15 сентября 2005 г. [Предоставлен автором]

Далее ссылки на эти основополагающие издания и источники даются только в случае цитирования.

³ *Семенова И. С.* Монастырские и архиерейские подворья СПб XVIII – начала XX веков: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. архитектуры (18.00.01) / С.-Петербург. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры архитектуры им. Репина. СПб., 2000. С. 3.

Подворий в Санкт-Петербурге было немало, а появились они в начале XVIII в. О времени появления подворья Свято-Троицко-Сергиевого монастыря на левом берегу реки Безымянный ерик, позже названной Фонтанной (Фонтанкой), сохранились разные сведения. Профессор Е. Е. Голубинский сообщает, что «место под Петроградское Фонтанное, что у Аничкова моста, подворья, которое служит местопребыванием митрополитов Московских, когда они живут в Петербурге, для присутствия в Св. Синоде, дано Петром Великим в 1714 году»⁴. В исторической справке архитектора Д. И. Иткина говорится: «На землях, пожалованных Петром I Александро-Невскому монастырю, на территории, пролежавшей в ту пору за границей города, на так называемой б. Московской стороне, в 1718 году выстроено первое деревянное здание Свято-Троице-Сергиева подворья»⁵. Эту же дату называл ранее протоиерей В. Жмакин⁶.

Историческими предпосылками строительства подворий в северной столице стала реформаторская деятельность Петра I. Проведенная им церковная реформа поставила во главе Русской Православной Церкви Святейший Синод и сделала ее государственной. В результате, на случай приездов в Петербург, который являлся новой столицей и местом нахождения Святейшего Синода, иерархи церкви должны были иметь особые помещения, подворья. Строительство подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры соответствовало выполнению Указа Петра I и решению градостроительной задачи, а также отвечало нуждам митрополитов Московских. Ориентируясь на последнее справочное издание, с учетом вышесказанного и факта нахождения в то время Святейшего Синода на

---

⁴ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра: жизнеописание преп. Сергия и путеводитель по Лавре. 3-е изд., с нов. доп. СПб., 2007. С. 339.

⁵ Иткин Д. И. О застройке территории, отведенной б. Свято-Троицко-Сергиевой лаврой подворью на б. Московской стороне Санкт-Петербурга. Нынешний адрес – наб. р. Фонтанки, д. 44 – ул. Рубинштейна, д. 3: историческая справка 7 ноября 1987 года [Архив ЦГПБ им. В. В. Маяковского]. Далее – Иткин Д. И. Ист. справка.

⁶ Жмакин В., протоиерей. Архиерейские и монастырские подворья при Петре I // Прибавления к Церковным ведомостям. 1903. № 23. С. 873.

Петербургском острове в конфискованном дворце Матвея Петровича Гагарина (неподалеку от Троицкой церкви), наиболее вероятными представляются данные из историко-церковной энциклопедии «Святыни Санкт-Петербурга»:

«...Первое деревянное подворье лавры появилось уже в 1722 на берегу Ждановки, на Петербургской стороне... Архимандрит Варлаам, основатель Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, получив от казны на Фонтанке деревянный дом умершего контр-адмирала Дуффуса, в 1733 перенес в него подворье со Ждановки»⁷.

Известно, что Свято-Троицкий монастырь (с XVIII века по указу императрицы Елизаветы Петровны – Свято-Троицкая Сергиева Лавра), расположенный в городе Сергиев Посад к северу от Москвы по Ярославской дороге, основан в качестве местной пустыни на горе Маковец в XIV веке преподобным Сергием Радонежским.

«До отобрания вотчин у монастырей лавра имела огромное количество подворий и дворовых мест, превосходивших цифру 170-ти, которые находились в 45-ти городах Российской империи...»⁸.

Одно из них, подворье на Фонтанке, служило местом пребывания в Петербурге митрополитов Троице-Сергиева монастыря, в частности архимандрита Варлаама, в миру Василия Антипиевича Высоцкого (1665–1737), «духовника восьми высочайших особ: царицы Параскевы Феодоровны, императрицы Екатерины I, императрицы Анны Иоанновны, царевича Алексея, государынь царевен: Екатерины Алексеевны, Наталии Алексеевны, Параскевы Иоанновны, и герцогини Мекленбург-Шверинския Екатерины Иоанновны»⁹. Архимандрит Варлаам

---

⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: христианская историко-церковная энциклопедия: 300-летию Санкт-Петербурга посвящается. СПб., 2003. С. 314.

⁸ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра: жизнеописание преп. Сергия и путеводитель по Лавре. 3-е изд., с нов. доп. СПб., 2007. С. 337.

⁹ Из надписи на мраморной плите в часовне над могилой Варлаама в Троице-Сергиевой пустыни.

принял в управление монастырь по именному указу Екатерины I в 1726 г.¹⁰ Варлаам II управлял монастырем до 1737 г.¹¹

Архимандрит Варлаам пользовался уважением при дворе и после смерти Екатерины I: «По благоволению к нему Императрицы Анны Иоанновны, которой он был духовником, часто получал от нея щедрые дары для обители. При нем возвращены монастырю те села и деревни, которые при Государе Императоре Петре I были отчислены к новооснованный Троицкой Александро-Невской Лавре (Указ 15 июля 1730 г. в архиве Лаврском)»¹².

22 сентября 1732 г. императрица подписала указ о передаче приморской дачи, которая принадлежала прежде великой княгине Екатерине Ивановне, дочери царя Иоанна Алексеевича, Троице-Сергиева монастыря архимандриту Варлааму в вечное владение. Около двух лет Приморская дача, носившая название «мыза», служила для архимандрита Варлаама загородным монастырским подворьем и просто летней дачей¹³.

К концу XIX столетия сведения об архимандрите Варлааме были пополнены благодаря стараниям делопроизводителя Свято-Троицко-Сергиевой мужской пустыни Павла Петровича Яковлева. Яковлеву удалось из разных архивов нашей страны собрать богатый материал, по которому теперь можно составить правильное представление о личности архимандрита Варлаама.

Последние годы жизни Варлаам провел в столице, редко бывая в своем монастыре. К этому времени Троице-Сергиев монастырь, благодаря заботам его, приведен был в хорошее состояние, были воздвигнуты новые постройки.

---

¹⁰ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра: жизнеописание преп. Сергия и путеводитель по Лавре. 3-е изд., с нов. доп. СПб., 2007. С. 150.

¹¹ Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1842. С. 122.

¹² Там же.

¹³ Финск. *Mossio* – загородный дом, дача. По словарю Даля (Т. II) мыза – слово специфически петербургское и означает «дача, отдельный загородный дом с хозяйством, хутор, заимка». См.: Котляров В. Троице-Сергиева пустынь Петроградской епархии: ист. очерк: курсовое сочинение студента IV курса. Л., 1958. С. 2.

Проживая на подворье Троице-Сергиева монастыря в Санкт-Петербурге, архимандрит обеспечивал монастырское хозяйство землями, стараясь купить соседние с монастырем земельные участки у их владельцев, заботился об устройстве необходимых зданий. «...В 1734 г. куплен был находящийся рядом двор помещика С. А. Головина (почему двор этот, пока не составил одного целого с двором на казенной земле, и назывался Головинским двором)»¹⁴. Известная всем ныне улица Рубинштейна называлась первоначально по фамилии домовладельца – Головин переулок. Когда переулок проходил по территории подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, он получил наименование Троицкий, а в 1821 г. стал называться Троицкой улицей¹⁵.

Земельный участок Свято-Троицкой Сергиевой Лавры был к 1737 г. значительно расширен благодаря покупке примыкающих к нему участков: «...против онаго подворья чрез переулок куплены дворы в 1737 году л.-гв. Преображенского полка у капитана Сергея Автомонова, сына Головина, в 1736 г., подле онаго, морского флота у унтер-лейтенанта Сергея Иванова, сына Головина же, и, по покупке, оные оба двора сообщены в один.

Для жительства архимандрита, иеромонахов, стряпчих и монастырских служителей на монастырские казенные деньги построены жилые покои, конюшни, сушилы, сараи, сделан огород, построена оранжерея, посажены яблони прочие деревья, и около того двора и огорода, для жительства монастырских мастеровых и работных людей, построены избы. И с тех прикупленных дворов квадратные деньги в полицию повсегодно платились от Троицкого монастыря, содержался солдатский постой, чтоб означенному монастырскому двору и при нем огороду быть во владении за Троицким монастырем»¹⁶.

---

¹⁴ *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра: жизнеописание преп. Сергия и путеводитель по Лавре. 3-е изд., с нов. доп. СПб., 2007. С. 339.

¹⁵ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 321.

¹⁶ Высочайшая, контрассигнованная кабинет-министрами резолюция [от 3 окт. 1740 г.] из доношения к учреждениям о Петербургском строении комиссии о призыве к Густаву Ф. Бирону Кармедонову двору за Фонтанную у порозжего места Троице-Сергиева монастыря, а вместо того оному монастырю дать другое место // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1915. Т. 46. С. 530-532.

Т.о., земельный участок от Головина переулка до Литейной улицы (ныне Владимирский проспект) стал принадлежать Свято-Троицкой Сергиевой Лавры подворью.

Предоставленная Л. И. Бройтман историческая справка, основанная на архивных материалах, уточнила и дополнила новыми фактами вышесказанное: «В 1734 и 1736 годах были приобретены дворы унтер-лейтенанта флота Сергея Ивановича Головина и капитан-поручика Сергея Автомоновича Головина. Последний был племянником Ивана Михайловича Головина, сыном его родного брата Автомона, бывшего комнатным стольником Петра I, затем участника Азовских походов и Северной войны. Дворы были объединены. Купил этот участок у митрополита Платона в 1794 году петербургский купец Иван Григорьевич Кокушкин».

25 июля 1737 г. в Петербурге на Фонтанном подворье на 73 году жизни скончался архимандрит Варлаам. В его келье находился образ преподобного Сергия, написанный на доске, взятой из гроба преподобного тотчас по открытии его мощей¹⁷.

Узнав о кончине духовника, Анна Иоанновна взяла на себя все заботы о погребении и письменно отдала необходимые распоряжения. Она попросила, чтобы тело о. Варлаама было доставлено на Приморскую дачу в Стрельне, Свято-Троицко-Сергиеву мужскую пустынь, и там погребено. Над прахом его в 1864 г. воздвигнута часовня¹⁸.

Нынешняя улица Рубинштейна к 1740 г. уже была замощена деревянным настилом. Местами на улице уже стояли преимущественно деревянные дома переселенцев с Адмиралтейского острова, на территории которого в 1736 и 1737 гг. бушевали пожары¹⁹.

О последующей эволюции участка историк П. Петров пишет:

«Братец Г. Бирону выпросил взятый по начету на бывшего гоф-интенданта Кормедона его загородный двор на Фонтанке

---

¹⁷ Жмакин В., протоиерей. Архиерейские и монастырские подворья при Петре I // Прибавления к Церковным ведомостям. 1903. №23. С. 873.

¹⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1871. Вып. 2. С. 214.

¹⁹ См.: Иткин Д. И. Ист. справка.

у Аничкова моста подле Троицкого подворья, для которого куплена земля архимандритом Варлаамом у Головиных в 1734 и 1736 годах»²⁰.

Кармедонов двор – это дом № 46 по набережной реки Фонтанки, один из самых старых особняков, и участок, простирающийся до Троицкой улицы, названный по имени гоф-интенданта, француза Антуана Кормедона. «В царствование Анны Иоанновны многие сподвижники Петра I были заменены новыми лицами и Кормедон некоторое время руководил Комиссией о каменном строении Петербурга»²¹.

Г. Бирон просит также отдать ему часть земли Троице-Сергиева «против места бывшего Кормедона» между Троицким переулком (улицей Рубинштейна) и Литейной улицей (Владимирским проспектом).

Несмотря на прошение стряпчего Петра Сумарокова от 22 августа 1740 г., Комиссия о Санкт-Петербургском строении в кабинете министров признала «подлежащим отрезу земли Троице-Сергиева монастыря подворья брату Бирона. Высочайшая резолюция 3 октября представление комиссии, приговаривавшее отнятие земли у Троицко-Сергиевого монастыря подворья с вознаграждением наделом в другом месте, т. е. за 3 дня до объявления наследником Анны младенца Иоанна Антоновича»²².

«Дело о передаче земли Густаву Бирону, за арестованием всей семьи их в ночь на 8 ноября 1740 года, не могло состояться, и его спрятали, чтобы скрыть выказанное дольше чем следует, усердие, и, боясь за него ответить»²³.

Однако на плане квартала, снятом в 1740 г. «этот участок под литерой L числится уже как двор генерала Густава Бирона»²⁴.

---

²⁰ *Петров П.* История Санкт-Петербурга с основания города до введение в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782. М., 2004. С. 292.

²¹ *Бройтман Л. И.* Ист. справка (предоставлена автором).

²² *Петров П.* История Санкт-Петербурга с основания города до введение в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782. М., 2004. С. 292-293.

²³ Там же. С. 638.

²⁴ *Бройтман Л. И.* Ист. справка (предоставлена автором).

А в 1741 г., после вступления на трон Елизаветы Петровны, Кармедонов двор переходит в собственность Федора Яковлевича Дубянского, духовника императрицы.

«Участок на углу Невского проспекта в середине XVIII века принадлежал князю А. И. Шаховскому. Затем его владельцем был директор Ассигнационного банка сенатор П. В. Мятлев, отец поэта И. П. Мятлева. В 1797 году участок с небольшим угловым домом купила у И. А. Нарышкина княгиня А. Г. Белосельская, урожденная Козицкая, вторая жена князя А. М. Белосельского»²⁵.

Известный историограф Петербурга конца XVIII в. И. Г. Георги отмечает «Троицкое каменное подворье, принадлежащее Троицкой Сергиевой лавре в Москве» первым среди «главнейших примечаний достойных предметов» Московской части города по течению реки Фонтанки. «Оно находится на левом берегу Фонтанки подле бывшего Мятлева, а ныне Нарышкина дома, напротив Аничковского дворца и есть каменное в один ярус строение, с церковью и колокольней; в оном жительствует несколько братий»²⁶.

Т.о., к середине XVIII в. участок подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Петербурге находился между домами Ф. Я. Дубянского и князя А. И. Шаховского. «На казенной земле, в продолжение 1750–1753 годов поставлен был каменный дом с двумя флигелями, в котором была устроена домовая церковь»²⁷.

«Член Святейшего Синода, архимандрит Свято-Троицкой Лавры Афанасий, подал в Святейший Синод доношение, в котором сообщал, что в то время как на подворье лавры в Петербурге стоит вновь построенная каменная церковь, в ризнице Лавры сохраняется походная Кабардинского полка

---

²⁵ Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект. Дом за домом. М., 2006. С. 251, 253.

²⁶ Георги И. И. Описание российско-императорского столичного города С.-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996. С. 116.

²⁷ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра: жизнеописание преп. Сергия и путеводитель по Лавре. 3-е изд., с нов. доп. СПб., 2007. С. 339.

церковь во имя Казанской Божией Матери, и он просит разрешения перенести ее в новоустроенную каменную церковь подворья и освятить по церковному чиноположению. Святейший Синод в ноябре 1754 г. дал свое разрешение на просьбу архимандрита Афанасия. Т.о. первоначально церковь Троицкого подворья была в честь иконы Казанской Божией Матери»²⁸.

Позднее эту церковь Троицкого подворья разобрали. «1 октября 1771 г. взамен походной, в перестроенном восточном флигеле, освятили церковь прп. Сергия Радонежского, которая без изменений простояла до 1830, когда И. И. Шарлемань расширил ее приделом. При этом был сделан новый иконостас, несколько икон для него написал А. Г. Венецианов»²⁹.

«Обновленный храм освятили 7 апреля 1831 г.; в нем хранилась чтимая икона с частицей мощей преподобного, перед которой по понедельникам служили акафист (при закрытии храма большевиками мощи унес монах Иоаким), и ковш с такой же частицей (его передали в Знаменскую церковь)»³⁰.

В XIX в. подворье привлекало жителей столицы тем, что известный святитель митрополит Московский Филарет (Дроздов) останавливался здесь. Участие митрополита Филарета в судьбе Фонтанного подворья позволяют считать его важным объектом русской культуры.

Филарет был удостоен редкой для архимандрита наградой – орденом св. Владимира 2-й степени Большого креста со звездой при высочайшем рескрипте, в котором значилось, что он сопричисляется к этому ордену за неусыпные труды по званию ректора и профессора богословских наук в Санкт-Петербургской Духовной академии, деятельности в образовании достойных служителей алтаря Господня³¹. Будучи

---

²⁸ *Симеон, иеродиакон (Гаврильчик)*. Владыка Филарет на Фонтанном подворье // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1994. Вып. 6. С. 83-85.

²⁹ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святые Санкт-Петербурга: христианская историко-церковная энциклопедия: 300-летию Санкт-Петербурга посвящается. СПб., 2003. С. 314.

³⁰ Культурные здания Петербурга : указ. рус. литературы 1717–1917 гг. / сост. Т. Н. Семенова, М. В. Бресткина, Д. Г. Королев. СПб., 1999. Вып. 2. С. 57.

³¹ См.: *Филарет*. Сочинения. М., 1873. Т. 1. С. VII.

ректором-епископом Петербургской Духовной академии, Филарет участвовал в переводе Библии на русский язык, написал «Православный катехизис», в 1812 г. был избран в почетные члены общества «Беседы любителей русского слова» за проповеди.

Почти весь 1842 г. Филарет провел в Петербурге на подворье в связи с решением ряда неотложных дел в Синоде, «славя Господа в церкви малой» (преподобного Сергия на Фонтанке). Находясь в Москве, Филарет беспокоился о состоянии

столичного подворья. В письме от 8 декабря 1848 г. он обращается к архимандриту Антонию: «О построении колокольни на Петербургском Подворье не раз говорил мне Андрей Николаевич (Муравьев) и другим путем дошло до меня, что однажды Государь Император, проезжая мимо Подворья, спросил бывшего с ним генерал-адъютанта, что это за дом, и заметил, что он отстал от окружающих зданий.

При других подворьях открытых колоколен нет: и это правило для домовых церквей... По нынешнему ходу подобных дел не невозможно даже, что потребуют перемены фасада всего дома или наложения третьего этажа...»³²

В 1849 г. академик архитектуры, постоянный сотрудник А. Н. Штакеншнейдера Август Иванович Ланге осуществляет строительство колокольни и паперти подворья Троице-Сергиевой лавры. До наших дней эти постройки не сохранились.

Митрополит Филарет.
ЦГАКФФД СПб

---

³² *Симеон, иеродиакон (Гаврильчик)*. Владыка Филарет на Фонтанном подворье // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1994. Вып. 6. С. 83-85.

В 50-х гг. XIX в. дом и церковь пришли в ветхость. В 1857 г. академик архитектуры, профессор Императорской Академии художеств Алексей Максимович Горностаев перестраивает здание подворья.

Коллежский советник, профессор архитектуры, преподаватель перспективы, начертательной геометрии и теории теней в Академии художеств, главный архитектор при Министерстве внутренних дел, кавалер орденов св. Анны 2-й степени и св. Станислава 2-й степени, он производил частные и казенные постройки, но настоящая творческая деятельность А. М. Горностаева начинается с тех пор, как ему поручили постройки для Валаамского монастыря и Троице-Сергиевой пустыни.

Школой национального искусства стало путешествие А. М. Горностаева в 1826–1828 гг. вместе с художником, переводчиком и издателем «Отечественных записок» П. П. Свиньным по России. Он изучал памятники русской архитектуры, рисовал виды городов под руководством П. П. Свиньина, делал зарисовки соборов, интерьеров, предметов старины, орнаментов, составил альбом «Картины России», вышедший в свет в 1839 г.³³ Монастырские постройки А. М. Горностаева сыграли важную роль в утверждении русского национального стиля в архитектуре нового времени.

Автор первой каменной постройки Троицкого подворья на набережной Фонтанки у Аничкова моста неизвестен, фасад ее со стороны реки был маловыразителен. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (Т. IX. С. 268-269) в статье о А. М. Горностаеве сообщает, что «им превращен в характерное здание древнерусского стиля безобразный дом подворья Троице-Сергиевой лавры». Разработанный архитектором проект перестройки был утвержден в 1857 г.

«Во время капитальных переделок старая колокольня, что размещалась в глубине двора, была разобрана, а звонница запроектирована в виде небольшой вышки-башенки, которая

---

³³ Об А. М. Горностаеве см.: *Берташ А. В., Кириков Б. М.* Горностаев Алексей Максимович // Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия в 3 т. СПб., 2003. Т. 2. Кн. 2. С. 163-165; *Стасов В. В.* А. М. Горностаев // Вестник изящных искусств. 1888. Т. 6. Вып. 6. С. 439-480.

В. С. Садовников.

Дворец князей Белосельских-Белозерских и Сергиевское подворье.
1860 г. (?). ГМИ СПб

размещалась слева по фасаду вплотную к дворцу Белосельских-Белозерских»³⁴.

Не осталось без внимания Прошение иеромонаха отца Герасима «о дозволении сделать из окна дверь в дом принадлежащем Свято-Троицкой Сергиевой Лавры подворью в Московской части с устройством над оной железного зонтика»³⁵.

Если мы посмотрим на акварель Троицкого подворья (В. С. Садовников, 1860), перестройку которого осуществил А. М. Горностаев, то увидим эту дверь с железным зонтиком с левой стороны здания.

И. С. Семенова утверждает, что «перестройка Троицкого подворья... была этапом в изменении типологии монастырских

---

³⁴ См.: *Иткин Д. И.* Ист. справка.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 94. Оп.13. Д. 413.

подворий»³⁶. Во второй половине XIX – нач. XX вв. архитектор работал с учетом условий и желаний заказчика, в роли которого выступал монастырь, что «позволяет рассматривать этот тип церковной архитектуры как результат соавторства зодчего и заказчика»³⁷.

Как указывает петербургский искусствовед и историк архитектуры В. Г. Лисовский, «в результате осуществления этого проекта план стоявшего здесь двухэтажного дома изменился незначительно, но на фасаде вместо классических сандриков появились “русские” фигурные наличники, а паперть, входившая в комплекс подворья, получила шатровое завершение; переделке подверглись и ворота во двор. Вследствие этих перемен облик здания стал ближе национальной традиции»³⁸.

Т.о., «в 1856–1857 гг. на набережной реки Фонтанки было построено двухэтажное здание с нарядным фасадом в русском стиле. Наличники окон первого этажа с трехлопастными килевидными арочками уступают более изысканным – с изображением херувимов и похожих на киоты наличников второго этажа. Невысокая трехъярусная шатровая колокольня, прикнувшая вплотную к фасаду дворца Белосельских-Белозерских, являлась нарядным входом и въездом в монастырское подворье и была декорирована изображениями преподобных Сергия и Никона Радонежских. Сразу же за колокольней была расположена церковь»³⁹.

«Весь фасад – цветной. Прелестные колонны, снизу доверху все из резьбы и орнаментов, головки херувимов над окнами, куриозные орнаментальные наличники этих окон, с кровельками вверху. Ворота с железной высокохудожественной основой по обеим половинкам, изображения, низким рельефом, св. Сергия Радонежского и преподобного Никона,

---

³⁶ Семенова И. С. Монастырские и архиерейские подворья СПб. XVIII–начала XX веков: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. архитектуры (18.00.01) / С.-Петерб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры архитектуры им. Репина. СПб., 2000. С. 15.

³⁷ Там же. С. 20-21.

³⁸ Лисовский В. Г. Архитектура Петербурга. Три века истории. СПб., 2004. С. 202-203.

³⁹ Тыжненко Т. Е. Алексей Горностаев // Зодчие Санкт-Петербурга: XIX – начало XX века. СПб., 1998. С. 334.

во весь рост, в схимнических одеяниях, – все это разцветвлено красками и золотом, все является изящным художественным пятном среди бледной и безхарактерной архитектуры Петербурга, рабски копирующей Европу», – писал В. В. Стасов⁴⁰.

В 1850–60-е гг. на подворье жил писатель Андрей Муравьев, автор описаний ближневосточных монастырей и святых⁴¹.

18 декабря 1862 г. умирает Алексей Максимович Горностаев. «Памятник А. М. Горностаеву на кладбище Троице-Сергиевой пустыни был создан в 1863 г. по проекту племянника и друга покойного И. И. Горностаева, архитектора, художника и ученого. Это беломраморный резной крест с изображением главных построек архитектора. На горизонтальной перекладине креста славянской вязью начертаны названия произведений зодчего»⁴².

В 1867 году умирает митрополит Филарет (Дроздов).

Дальнейшая перестройка здания Фонтанного подворья связана с именем академика архитектуры (1881) Сергея Васильевича Садовникова. В ЦГИА СПб сохранилась Пояснительная записка Садовникова «По проекту каменной однопрестольной домово́й церкви при Троицко-Сергиевом Подворье в С.-Петербурге», датированная 28 апреля 1870 г.: «Для постройки церкви избрано место во дворе онаго подворья в смежности с существующей церковью и жилым домом. Церковь предполагается каменная в один этаж на подвалах со сводами. Кумпол предполагается деревянный, обитый белым железом с крестом над оным по примеру устроенного над существующей церковью»⁴³.

В 1870-х гг. подворье подверглось капитальной перестройке. «С. В. Садовников осуществляет надстройку 3-м этажом лицевой части здания подворья с включением в надстройку

---

⁴⁰ Стасов В. В. А. М. Горностаев // Вестник изящных искусств. СПб., 1888. Т. 6. Вып. 6. С. 471-472.

⁴¹ См.: Лурье Л. Я. Троицкое подворье // Квартальный надзиратель. 2002. № 2.

⁴² См.: Исаченко В. Т. Памятники Санкт-Петербурга: справочник. СПб., 2004. С. 92.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 256 Оп. 2 Д. 1006. 1870 г.

на высоту трех этажей примыкающих к зданию справа каменных въездных ворот. Отделку лицевого фасада на участке первых двух этажей он сохраняет почти полностью, лишь вводит несколько пилястр, рустованных по первому этажу и гладких во 2-м этаже. Сохраняется без изменений, вписываясь в 3-й этаж, звонница-шпиль. По центру постройки устроен небольшой фигурный фронтон, а сзади, в глубине, высится барабан с куполом нового храма. Наружные стены этого храма не оштукатурены, кладка кирпичных стен выполнена под «расшивку» швов, с последующей покраской»⁴⁴.

В Прибавлениях к «Церковным ведомостям» 1903 г. мы находим его описание: «Новый храм в честь Святой Троицы построен на свободном же месте, во дворе. Храм соединен северной стороною с прежнею церковью. С западной стороны выходит на набережную Фонтанки. Вход в новый храм остался прежний узкий, т. ч., желая попасть в новый храм, нужно пройти прежнюю маленькую церковь. В новом храме как мраморный иконостас, так и живопись, отличаются художественным исполнением. На западной стороне храма, вверху устроены светлицы-молельни, где, во время пребывания на подворье, Московские власти присутствуют при богослужении»⁴⁵.

В нижнем этаже храма находилась часовня.

12 февраля 1873 г. в левой части главного здания подворья наместник Лавры митрополит Московский Иннокентий освятил этот храм во имя Пресвятой Троицы. Церковь славилась старинными иконами, многие из которых имели богатые оклады.

Троицкое подворье было отделано с большой роскошью, как впрочем, и подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры в Москве, с которым его часто сравнивали⁴⁶. Обратим внимание на изображение Фонтанного подворья после перестройки С. В. Садовникова на иллюстрациях 1900-х гг. Над кровлей возвышается церковный купол, украшенный звездами (в куполе находилось изображение Бога Саваофа). До настоящего

---

⁴⁴ *Иткин Д.* Ист. справка.

⁴⁵ Прибавления к «Церковным ведомостям». 1903. № 30. С. 1151-1152. (Известия и заметки).

⁴⁶ См., например: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Москве и Петербурге // Восток. 1880. № 55. С. 235.

времени купол не сохранился, во время капитального ремонта 1931–1934 гг. он был разобран⁴⁷. С правой стороны осуществлена новая пристройка – арка для экипажного сообщения, покрытая кирпичным сводом⁴⁸, рядом с ней из окна устроена дверь с навесом, которая в настоящее время служит входом в находящуюся здесь городскую библиотеку им. В. В. Маяковского.

Во дворе находилась келарня – кухня, место для приготовления пищи. По воспоминаниям директора ЦГБ им. В. В. Маяковского Р. Н. Сундушниковой, она сохранялась до 1970-х гг. (к этому времени в ней была слесарная мастерская). Разбивали келарню, построенную на яичных желтках, с большим трудом. По рассказу сотрудницы ЦГПБ им. В. В. Маяковского Г. И. Тарасовой, до 1940-х гг. на втором этаже еще были сохранены деревянные книжные шкафы трехстворчатые, круглый большой стол из мореного дуба, деревянные двери с вырезанными крестами. Ныне деревянные дубовые двери с вырезанными крестами сохранились только на третьем этаже, благодаря заботам завхоза А. Кучугурного.

«В 1905–1906 гг. Церковь во имя Пресвятой Троицы была отремонтирована и вновь расписана»⁴⁹. В это время возглавлял Фонтанное подворье в С.-Петербурге архимандрит Кронид (Константин Петрович Любимов) – в 1905–1914 гг. в ранге эконома, а в 1915–1920 гг. как последний наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры перед ее закрытием. О своем духовном наставнике А. А. Яблонский вспоминал как о «человеке глубокой веры и культуры»⁵⁰.

---

⁴⁷ См. в настоящем сборнике работу Е. И. Шубиной «Богословский институт и клуб “Старая и Молодая Гвардия” на Фонтанке».

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 2. Д. 1006. 1870 г.

⁴⁹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: христианская историко-церковная энциклопедия: 300-летию Санкт-Петербурга посвящается. СПб., 2003. С. 314.

⁵⁰ Яблонский Александр Александрович (1903–1995) – заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор, его учебники по теоретической механике широко используются в качестве основного учебного материала в вузах России и за рубежом. Павлов В. Е., Яблонский С. А. Архимандрит Кронид // Павлов В. Е., Яблонский С. А. Александр Александрович Яблонский. СПб., 1997. С. 33-35.

Архимандрит Кронид.
Петроград. 1915 г.

*Фото из кн.: Павлов В. Е.,
Яблонский С. А. Александр
Александрович Яблонский.
СПб., 1997. С. 34.*

7 декабря 1937 г. судебная тройка УНКВД по Московской области вынесла смертный приговор наместнику лавры архимандриту Крониду (Любимову) и другим насельникам Троицкой обители, обвинив их в контрреволюционной деятельности. 10 декабря 1937 г. он был расстрелян на Бутовском полигоне⁵¹.

«После выбора в октябре 1917 г. Патриархом Московским и всея России святителя Тихона лаврское подворье стали также называть патриаршим. Именно здесь проживал Патриарх во время своего единственного приезда в Петроград в конце мая – начале июня 1918 г.

В соответствии с требованиями советской власти в январе 1919 г. при храме подворья была образована приходская община, которая избрала церковный совет, заключивший 19 января договор с представителями райисполкома о взятии помещения и утвари в бессрочное и бесплатное пользование.

В начале 1921 г. настоятелем подворья был назначен архимандрит Сергей (в миру Василий Павлович Шеин). Уроженец Тульской губернии, в 1893 г. окончил Училище правоведения в Петербурге и в 1912 – начале 1917 гг. являлся Депутатом IV Государственной Думы, а в августе 1917 – сентябре 1918 гг. – членом и секретарем проходившего в Москве Всероссийского Поместного Собора. 12 сентября 1920 г. В. П. Шеин принял монашеский постриг с именем Сергей в честь преподобного

---

⁵¹ Тертышников Г., архим. Жизнеописание архимандрита Крониды (Любимова) наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Архив. 1998. №2 (16). URL: ao.orthodoxy.ru 2.03.2006.

Сергия Радонежского, затем вскоре был возведен в Москве в сан иеромонаха и архимандрита.

На общеприходском собрании 9 июня 1921 г. архимандрит Сергей был избран председателем нового состава церковного из 254 человек»⁵².

«О том, в каких условиях приходилось отцу Сергию проходить свое нелегкое послушание, свидетельствует его письмо от 13 сентября 1921 г. заместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Кронида, в котором отец Сергей сообщает о том, что “благодаря Господа Бога и за молитвы преподобного Сергия” на подворье все благополучно. “Не волнуйтесь, – пишет он далее, – многими тревогами о подворье и подворской братии. Уповаю, что преподобный пропитает негодных своих монахов. В большой комнате поставил плиту, кафельную. Надеюсь помаленьку и что-нибудь варить на ней братии”. Митрополит очень охотно разрешил совершать молебны преп. Сергию с иконою на домах. В каком тяжелом положении находилось тогда вверенное отцу Сергию подворье, видно из того, что у монахов не было денег даже на устройство печки в большой подворской церкви, и жили они лишь на подаяние верующих.

Тягота настоятельства усугублялась долгом семейным: на иждивении отца Сергия находились две стареющие сестры»⁵³.

С целью дискредитировать церковь в мае 1922 г. большевики организовали церковный раскол, создав обновленческую «Живую Церковь» – реформаторское движение с новой идеологией, лояльную советской власти иерархию во главе с митрополитом Александром Введенским. Изменение обрядов, искажение основ Православного учения, контакт духовенства с ГПУ вызвали отток прихожан из храмов.

«Трагические события 1922 г. – кампания изъятия церковных ценностей, массовые репрессии духовенства и обновленческий раскол стали переломными в истории подворья. Настоятель подворья архимандрит Сергей был арестован 31 мая 1922 г. по обвинению в сопротивлении изъятию церковных

---

⁵² Шкаровский М. В. История Петербургского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга : доклад на научной конференции «История двух столиц в документах архивов Москвы и Санкт-Петербурга» 15 сентября 2005 г. [Предоставлен автором].

ценностей и 5 июля приговорен Петроградским губревтрибуналом вместе с митрополитом Вениамином и другими новомучениками к смертной казни. 13 августа о. Сергей, Владыка Вениамин, проф. Юрий Новицкий и юрисконсульт Александр-Невской Лавры Иоанн Кочуров были расстреляны и похоронены на территории Ржевского артиллерийского полигона на северо-восточной окраине города.

Вскоре церковную власть в стране при поддержке ГПУ захватили обновленцы. В северной столице они встретили самое сильное сопротивление со стороны возникшей в августе 1922 г. так называемой «Петроградской автокефалии», в состав которой вошла и община Троицкого подворья. Новым (и последним) ее настоятелем после расстрела архимандрита Сергия стал игумен Софроний.

В феврале – марте 1923 г. Петроградская автокефалия была разгромлена, а ее руководители арестованы и осуждены. Это предопределило и закрытие церкви Троицкого подворья, состоявшееся в апреле, хотя официальное решение Президиум Петроградского губисполкома принял только 7 июля 1923 г.

Главные святыни Троицкого подворья – ковчег с частицами мощей и чтимый образ преподобного Сергия Радонежского – 30 апреля 1923 г. передали в Знаменскую церковь, располагавшуюся у Московского вокзала.

Перед самым началом Великой Отечественной войны Знаменская церковь была закрыта и взорвана в мае 1941 г. К сожалению, дальнейшая судьба святынь Троицкого подворья неизвестна. Другая церковная утварь и мебель подворья были изъяты 8 июня 1923 г. и по акту переданы в кладовую хозяйственной части исполкома Центрального района города»⁵⁴.

«К 1917 г. в Санкт-Петербурге насчитывалось около 470 православных церквей, в число которых входило 50 подворий. Сегодня большинство церквей и часовен монастырских подворий утрачено, а сохранившееся 20 дошли до нас в

---

⁵³ *Чельцов М. П., протоиерей.* Воспоминания «смертника» о пережитом / предисл. В. В. Антонова. М., 1995. URL: www.sakharov-center.ru

⁵⁴ *Шкаровский М. В.* История Петербургского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

искаженном и перестроенном виде, т. к. долгое время использовались не по назначению»⁵⁵.

«До конца 1920-х гг. немногочисленные монахи, составляющие, как правило, ядро исполнительных органов православных братств и обществ, вместе с мирянами сумели сохранить только по 1-му действующему храму почти во всех московских и питерских монастырях»⁵⁶.

В огне революций, Гражданской и Великой Отечественной войн были закрыты все монастыри, частью погибло, частью рассеялось монашество. Пример тому – история подворья на набережной реки Фонтанки, 44.

В 1990-х гг. зданию вернули прежний вид. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщала: «Возродился оригинальный русский терем со всеми присущими ему деталями отделки. Воссоздали замысловатый декор А. М. Горностаева мастера объединения “Меркурий”»⁵⁷. В настоящее время бывшее здание подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры – памятник истории и культуры местного значения.

В 1903 г. протоиерей В. Жмакин писал: «... печатные и архивные материалы так мало представляют в своем содержании данных для истории бывших и существующих подворий в Петербурге, что нет никакой возможности сделать им более или менее последовательный исторический очерк»⁵⁸.

После 1917 г. эта информация была труднодоступной, в 30-е годы XX в. находилась под запретом. В настоящее время большое количество документов пребывает в ветхом состоянии, они рассредоточены по разным архивам. В частности, документы о подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры также хранятся в Архиве Древних Актов в Москве. Собранные разными людьми историческая правда возвращает память поколениям, помогает сделать правильный выбор и попытаться вернуть утраченное.

---

⁵⁵ См.: *Семенова И. С.* Монастырские и архиерейские подворья Санкт-Петербурга XVIII-начала XX веков. СПб., 2000. С. 3.

⁵⁶ См.: *Васильева О. Ю.* Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в России XI– XX вв.: ист. очерк. М., 2002. С. 334.

⁵⁷ См.: *Усольцев П.* Возвращение русского терема // С.-Петерб. ведомости. 1994. 24 сент.

⁵⁸ *Жмакин В., протоиерей.* Архиерейские и монастырские подворья при Петре I // Прибавления к Церковным ведомостям. 1903. № 23. С. 873-877.

*Ларисса Ильинична Бройтман,
исследователь-краевед*

Подворье Троице-Сергиева монастыря и соседние дворы в 1730 –1750-х годах

Наиболее достоверные и подробные сведения о первоначальной истории дворов на набережной Фонтанки у Невского проспекта содержатся, прежде всего, в «Переписи дворам в Санкт-Петербурге по Фонтанной речке», составленной в 1737 году Комиссией о каменном строении после пожаров 1730-х годов, хранящейся в Москве в Российском Государственном Архиве Древних Актов¹. В Переписи указываются не только имена владельцев участков земли в момент составления этого документа, но и зачастую сведения о том, у кого и когда двор был куплен. К тому же, нумерация показывает последовательное расположение участков.

Дополняет эти сведения план квартала, снятый в 1740 году, с подробными объяснениями. Он находится в Российском Государственном Историческом Архиве. Вариант этого плана есть также в РГАДА². Фотокопия плана прилагается, так же как и описание плана.

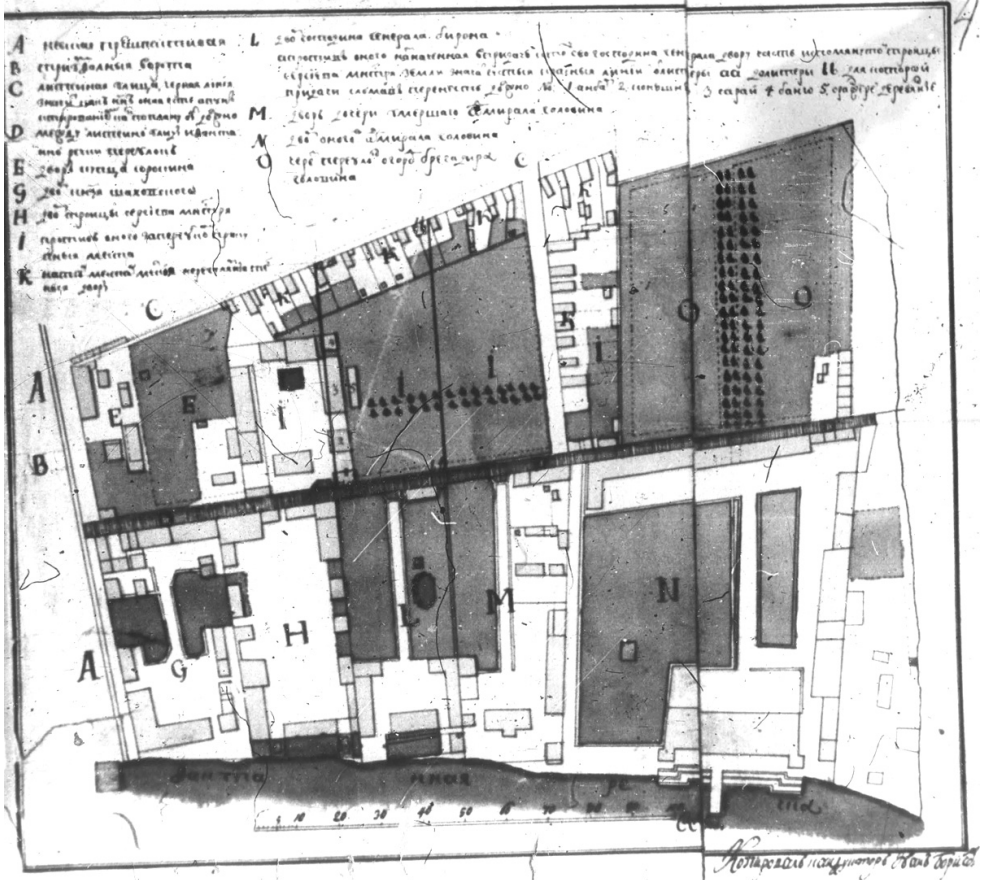
*«А Невская прешпективная
В триумфальные ворота
С Литейная улица, черная линия улицы как ныне она есть,
а пунктир – апробование как по плану быть должно
D между Литейною улицей и Фонтанной речкою переулком
E двор купца Сорочкина
G двор князя Шаховского
H двор троице сергиева мнтра (монастыря. – Л. Б.)
I против оного за переулком прикупные места
K на тех местах мелкие нерегулярные тесные дворы
L двор советника генерала Бирона а против оного назначенное в придачу к тому ево господина генерала двору часть упомянутого троицы сергиева мнтра земли значат густыя*

---

¹ РГАДА. Ф. 284. Оп. 4. Д. 201

² РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 673 Л. 4; РГАДА. Ф. 366. Оп. 1. Ч. 1. Д. 43

ОПИСАНІЕ ПЛАНУ

План квартала, снятый в 1740 году, с подробными объяснениями.
 Российский Государственный Исторический Архив

крайняя линия от литеры aa до литеры vv для которой передачи сломов перенести должно № 1. избу, 2. конюшню, 3. сарай, 4. баню, 5. оранжерею деревянные.

M двор дочери умершего адмирала Головина

N двор одного адмирала Головина

O через переулочок огород бригадира Головина».

Как мы видим, на плане показаны Невский проспект, линия набережной Фонтанки, начало Владимирского проспекта, тогда часть Литейной улицы.

Переулок, обозначенный буквой «D», это будущая Троицкая улица. Очерчены границы участков, которые можно соотнести с современными домами. В дальнейшем сведения Переписи и объяснения к плану будут приводиться без дополнительных ссылок.

Большую ценность представляют также купчие крепости, поскольку при совершении сделок, как правило, указывают предыдущего владельца и соседей. Сведения о домах дают также и объявления, публиковавшиеся на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей».

Все эти материалы позволяют представить планировку квартала между набережной Фонтанки и Владимирским проспектом. Участок на углу Фонтанки и Невского проспекта (наб. Фонтанки, 42 – Невский пр., 41-43) на плане обозначен буквой «G», а в Переписи имеет № 62 и предыдущим владельцем его назван граф Матвеев. Можно утверждать, что место за Фонтанкой на Большой прешпективе получил, вероятно, еще в 1720-х годах Андрей Артамонович Матвеев, крупный государственный деятель, дипломат, один из сподвижников Петра I. Он умер в 1728 году, так что граф Матвеев, который упоминается в 1732 году в сведениях о соседнем участке (д. 44) и позднее в Переписи, это сын Андрея Артамоновича Матвей Андреевич. В 1736 году он продал и петербургский дом, и подмосковное имение, доставшееся от отца. Купил дом князь Алексей Иванович Шаховской (1690–1737), имевший генеральский чин и занимавший пост правителя Малороссии. Его имя в Переписи не названо, так как в момент ее составления Алексея Ивановича уже не было в живых и владельцем дома был его сын Конной гвардии вахмистр князь Николай Алексеевич Шаховской, 12 лет. Возраст, конечно, указан со слов и за точность ручаться нельзя, в родословной годом рождения Николая Шаховского записан 1729-й. Во всяком случае, юный князь жил в унаследованном доме со своим учителем малороссиянином Тимофеем Михайловичем Сенатовским, со служителями и крепостными. Он, как хозяин,

заботится о своем доме. В 1740 году служитель Николая Шаховского Василий Шарапов подал от его имени просьбу разрешить «перестроить обветшалое строение на дворе его г-на близ Аничковых ворот строение к Невской прешпективе и наличное к реке Фонтанке»³. Наблюдать за строительством было поручено архитектору И.-Я. Шумахеру. На плане хорошо виден, помимо небольших служебных построек, дом, выходящий двумя фасадами на набережную Фонтанки и Невский проспект. Участок этот принадлежал Николаю Шаховскому и позднее, в «Санкт-Петербургских ведомостях» в № 57 от 17 июля 1750 года упоминается дом «л.-гв. Конного полка секунд ротмистра кн. Шаховского, состоящий у Аничковых ворот». Дослужился Шаховской до генеральского чина, умер, согласно родословной, в 1756 году. Из всего изложенного видно, что Троице-Сергиеву монастырю угловой участок никогда не принадлежал.

Дом № 44 по набережной Фонтанки. Для монастырского подворья был куплен соседний участок № 63 по Переписи, «Н» по плану. Этот двор принадлежал контр-адмиралу, командиру Кронштадтского порта лорду Дуффусу. Он умер в апреле 1732 года, и двор его поступил в продажу. Об этом сообщалось в объявлении, где указано расположение двора: «Через сие чинится известно, что имеющийся на Фонтанной реке между домом графа Матвеева и генерала Кормедона дом умершего контр-адмирала Дуфуса со всеми онаго принадлежностями с торгу продан быть имеет»⁴. Над имуществом контр-адмирала были назначены опекуны-кураторы: богатый английский купец Франц Гарднер и владелец стеклянного завода Вилим Эмзель. Они и продали этот двор, как записано в Переписи, в 1734 году архимандриту Варлааму. Дальнейшая история участка известна.

Дом № 46 по набережной Фонтанки. Первым владельцем соседнего двора (№ 64 по Переписи) был человек, игравший важную роль в строительстве Петербурга – Ульян Акимович Синявин, обер-комиссар Канцелярии городских дел. Выполнив распоряжения Петра I, он обеспечивал доставку и

³ РГИА. Ф. 1601. Оп. 1. Д. 65; там же Д. 132

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1750. № 100. 14 дек.

распределение строительных материалов для воплощения в жизнь проектов первого архитектора Петербурга Доменико Трезини. В 1736 году двор Синявина купил гоф-интендант Антуан (Антон) Кормедон. В царствование Анны Иоанновны многие сподвижники Петра были заменены новыми лицами и Кормедон некоторое время руководил Комиссией о каменном строении Петербурга. В Переписи написано, что от роду ему 58 лет, а жене его – Анне Яковлевне 71 год и живет при нем племянник немецкой нации Даниил Готлиб Бетлин 25 лет.

Но на плане этот участок под литерой «L» числится уже как двор генерала Бирона. Густав Бирон получил не только двор Кормедона, но и выпросил часть земли Троице-Сергиева монастыря между переулком (Троицкой улицей) и Литейной улицей. Именно в связи с принятием решения о придаче Бирону части монастырской земли и был снят упоминаемый нами план. Но после смерти императрицы Анны Иоанновны Бирон был отправлен в ссылку, а позднее вступившая на престол Елизавета Петровна распорядилась этим участком, подписав 2 мая 1743 года указ: «имеющийся в Санкт-Петербурге по берегу реки Фонтанки отписной Антона Кормедона деревянный двор со всем строением отдать двора нашего священнику Федору Дубянскому в вечное владение»⁵. Вскоре владение Дубянского увеличилось за счёт соседних дворов.

Ближайший участок, по плану «M», по переписи № 65, к 1740 году сменил нескольких владельцев. Первым известным нам был кухмистер Петра I Ян (Иоган) Фельтен, приехавший в Россию в 1704 году поваром датского посланника и ставший шефом кухни царского двора. В 1736 году двор Фельтена купил столярный мастер иноземец Яган Эрин, но вскоре его продал, и в 1740 году владелицей его была дочь адмирала Наталья Ивановна Головина. Она вышла замуж за Константина Антиоховича Кантемира, сына Антиоха Дмитриевича Кантемира, внука молдавского господаря. Наталья Ивановна умерла вскоре после свадьбы, и ее супруг заложил дом князьям Трубецким, но выкупить не смог. В 1747 году братья Александр, Дмитрий и Яков Юрьевичи Трубецкие продали дом

---

⁵ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 71. Л. 103

духовнику императрицы Елизаветы Федору Яковлевичу Дубянскому⁶. Таким образом, объединились два участка, составляющие нынешний дом № 46 по Фонтанке. В «Санкт-Петербургских ведомостях» № 5 от 17 января 1749 года сообщалось о сдаче внаем дома Федора Яковлевича Дубянского «...по Фонтанке речке, в коем 11 покоев, две кухни, две конюшни с верьхами и с прочими принадлежностями». Дубянским этот дом принадлежал до 1830-х годов.

Дом № 48 по набережной Фонтанки. Наталья Ивановна Головина, которую мы упоминали выше, была дочерью адмирала Ивана Михайловича Головина (1680–1737) – главного кораблестроителя петровского времени, начальника кораблестроительных верфей, командира галерного флота, генерал-кригс-комиссара, ведавшего снабжением флота. Адмиралу Головину принадлежал двор под № 66 по Переписи и обозначенный на плане буквой «N». В Переписи Ивану Михайловичу Головину записано 69 лет, его жене Марии Богдановне – 65, и 26-летняя Наталья еще жила с родителями. Унаследовал этот дом один из сыновей Головина Иван Иванович. Он умер в 1757 году, не оставив прямого наследника, так что владельцами этого двора до 1830-х годов также стали Дубянские. Головиным принадлежали также участки за переулком (Троицкой улицей). Нынешний дом № 9 по Владимирскому проспекту находится на месте обозначенного на плане буквой «O» – «огорода брегадера Головина». Слово «огород» не следует понимать в буквальном смысле, в то время это означало сад, где могли быть и деревья, и ягодные кусты, и грядки.

По краю владения Головиных, вероятно, захватив часть их земли, в 1739 году был проложен переулок от Фонтанки к Литейной улице (Владимирскому проспекту), название которого произошло от фамилии и титула домовладельцев – Головинский, затем Графский (с 1923 года – Пролетарский, с 1964 – ул. Марии Ульяновой), а с 1991 снова Графский.

К сожалению, точных данных – кому потом принадлежал «огород», пока не найдено, но можно высказать предположение, что он стал монастырским владением. В 1794 году

---

⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 397. Л.120

петербургский купец Афанасий Столяров купил два «порозжих» места в 1 квартале Московской части между «порозжим местом купца Дмитрия Решеткина и Троицким переулком» у архиепископа Платона⁷.

Двор купца Дмитрия Решеткина соответствует нынешнему дому № 7 на Владимирском проспекте. Вдоль нынешнего Владимирского проспекта на плане, кроме графского «огорода», помечены буквой «I» – «прикупленные места». В 1734 и 1736 годах были приобретены дворы унтер-лейтенанта флота Сергея Ивановича Головина и капитан-поручика Сергея Автомоновича Головина. Последний был племянником Ивана Михайловича Головина, сыном его родного брата Автомона, бывшего комнатным стольником Петра I, затем участника Азовских походов и Северной войны. Дворы были объединены и в конце XVIII века имели тот же № 1680, что и основной двор подворья на набережной Фонтанки. Купил этот участок у митрополита Платона в 1794 году петербургский купец Иван Григорьевич Кокушкин и разделил на две части, соответствующие домам № 5 и 3⁸.

Остался еще один участок – дом № 1 по Владимирскому проспекту, № 45-47 по Невскому проспекту, на плане помечен буквой «Е», в 1740-х годах это двор купца Сорокина. В дальнейшем некоторые участки делились – на Невском проспекте каждый двор разделился на два, произошли изменения на Троицкой улице и в Графском переулке. Но по набережной Фонтанки и на Владимирском проспекте к 1750-м годам планировка закрепились и соответствует современному количеству домов.

---

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2263. Оп. 1. № 40. Л. 44

⁸ Там же. Л. 45

*Елена Ивановна Шубина,
гл. библиограф отдела петербурговедения
ЦГПБ им. В. В. Маяковского*

Богословский институт и клуб «Старая и Молодая Гвардия» на Фонтанке

Петроградский Богословский институт располагался в стенах подворья Троице-Сергиевой лавры на Фонтанке с 1920 по 1923 гг. На улицах бушевал безбожный мир, народ дошел до предела отчаяния. В это тяжелое время церкви были полны молящихся, в Богословском институте многие обретали духовное общение, утешение и поддержку.

С закрытием в декабре 1918 г. Петроградской Духовной академии в городе остро чувствовалась необходимость в высшем богословском учебном заведении, переживаемое время требовало молитвенно настроенных и образованных пастырей. Весной 1919 г. с инициативой создания Богословского института выступил заведующий Богословско-Пастырским училищем И. П. Щербов. Богословский институт стал преемником Духовной академии.

Богословский институт открыл свободный доступ к духовному образованию всем желающим послужить Церкви: не только юношам, но и взрослым, не только мужчинам, но и женщинам, без какого-то ни было ограничения возраста¹. Бесплатные занятия проходили по вечерам, их могли посещать люди, занятые днем обязательной службой в советских учреждениях. Высшее богословское образование стало доступно мирянам. Впервые в истории русского православия в богословском институте могли обучаться женщины.

Ректором института был избран протоиерей Николай Кириллович Чуков, опытный пастырь и педагог, в прошлом ректор Петрозаводской семинарии, человек с незаурядными организаторскими способностями (впоследствии с 1946 по 1955 гг. – митрополит Ленинградский Григорий). Ещё в начале

---

¹ *Сорокин В.* Исповедник: церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 206.

его пастырского пути Иоанн Кронштадтский благословил о. Н. Чукова на труды по народному просвещению.

Помещение институту было дано гражданской властью: 23 октября 1919 г. в ответ на обращение администрации Богословского института о выделении помещения Центральный жилищный отдел по учету и распределению помещений предоставил ему третий этаж дома № 44 по набережной реки Фонтанки «с мебелью, которая остается под ответственность вселяемого»². Но в адресных книгах и в отчете о состоянии Богословского института за 1922 г.³ указывается другой адрес института – Троицкая ул., 3, второй двор, квартира 56. Видимо, вход в институт был со стороны Троицкой улицы, через проходные дворы.

Финансово и духовно Богословский институт был независим от советской власти и содержался на средства приходских общин Петроградской епархии. Церковный сбор (тарелочный и кружечный) производился четыре раза в год, в праздничные дни во всех храмах Петрограда. В нем участвовала большая часть студентов, и это считалось нелегким трудом. Собранные средства расходовались чрезвычайно экономно. Денег было достаточно для оплаты помещения, отопления и освещения института, на водопровод. Часть средств тратилась «на чистоту»: мытье полов, вывоз мусора, уборку снега и колку льда с панели. Покупались книги и учебные пособия, писчая бумага и чернила. Возникали у института непредвиденные расходы: на починку рояля фабрики Дидерихс, на покупку лампы для «волшебного фонаря». Вознаграждение служащих лиц было весьма скромным, в дальнейшем оно едва покрывало расходы на проезд в институт.

16 апреля 1920 г., в светлую пятницу на Пасхальной неделе, состоялось торжественное открытие института. Перед началом доброго дела был совершен молебен. Занятия начались 20 апреля. Студенты и вольнослушатели занимались четыре раза в неделю, без каникул. Ежедневно с 6.30 до 9-10 часов

---

² *Сорокин В., Бовкало А. А., Галкин А. К.* Открытие Петроградского Богословского института в 1920 году // Христианское чтение. 1997. № 14. С. 124

³ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 70. Л. 3. Далее при ссылках на данный фонд указываются только номера дел и листов.

вечера читалось от 4 до 6 лекций, каждая продолжительностью 40 минут. После лекций собирались различные кружки.

Курс обучения был трехлетний. Учебный год делился на 3 триместра: летний (с мая по 15 августа), осенний (с 1 сентября по 15 декабря) и зимний (с 15 января по 15 апреля). Перерывы между триместрами посвящались сдаче зачетов. Некоторые преподаватели принимали зачеты у себя дома.

Студентка Богословского института Л. А. Дмитриева вспоминала: «Посещение лекций было свободным, никакой канцелярии не велось, «обслуживающего персонала» не наблюдалось. <...> Мы слушали лекции с величайшим восторгом, но было чувство, что счастью нашему скоро придет конец. Так оно и вышло»⁴.

В качестве классной доски первое время использовалась крышка от ящика, принесенная ректором из дома, и на ней профессор Л. П. Карсавин углем писал греческий алфавит.

На втором этаже находились квартира проректора И. П. Щербова, библиотека и канцелярия института. Лекции читались на третьем этаже, в бывших митрополичьих покоях. До сих пор сохранились тяжелые дубовые двери покоев митрополита Московского с вырезанными на них крестами.

По воспоминаниям студента института Н. Д. Успенского, на третьем этаже располагались довольно большой лекционный зал с обилием света и хорошей акустикой (аудитория № 1), смежные с ним – комната ректора, средняя (или рекреационная) зала, комната проректора и аудитория № 2⁵. Одна из этих комнат называлась «зеленой комнатой»⁶, в воскресные дни в ней проходили студенческие собрания.

В ЦГИА СПб хранится описание помещений Богословского Института в саженях⁷:

1. аудитория для хр. искусств (бывшая спальня) 3,53 х 2,85 = 10,06 [21,4 м]

---

⁴ Сестринская община // Квартальный надзиратель. 2005. № 12 (36). С. 18.

⁵ Успенский Н. Д. К истории богословского образования в Ленинграде // Журнал Московской патриархии. 1977. № 4. С. 6-13.

⁶ Д. 61.

⁷ Д. 70. Л. 54.

2. аудитория Богословско-Пастырского училища (бывшая гостиная) $4,37 \times 2,72 = 11,89$ [25,3 м]

3. аудитория Богословского Института (бывший кабинет) $4,57 \times 2,90 = 13,25$ [28,2 м]

4. библиотека $4,00 \times 2,7 = 10,80$ [23 м]

Итого эти 4 комнаты – площадью 46 квадратных сажень [87 кв. м].

Видимо, во время последующих капитальных ремонтов была изменена планировка помещения, и сегодня ни одна из комнат третьего этажа по площади не соответствует данному описанию. К сожалению, прежние интерьеры не сохранились.

У института была собственная кухня с плитой, даже летом выписывались дрова для кипячения воды. После занятий студенты не спешили расходиться, обычно пили чай у кого-нибудь из профессоров. Про Н. К. Чукова один недоброжелатель говорил: «Что-то вы все чай пьете»⁸.

Особенно готовились к торжественным собраниям, годичным актам и памятным дням. Студентки с утра, а часто с вечера хлопотали на кухне: пекли печенье, готовили кофе, какао или чай, некоторые приносили угощение из дома. В аудиториях и комнатах расставлялись столы, стулья освобождали от чехлов. Часто во главе столов сидели епископы, на каждый стол назначались особые хозяйки. Дежурные студентки заведовали разливанием чая. Во время чаепития делились впечатлениями, обменивались мнениями о различных событиях, говорили о благотворном влиянии института.

Неоднократно во время учебных занятий отключалось электрическое освещение, и лекции читались при скудной керосиновой лампе. В марте-апреле 1922 г. в институте вследствие пожара на 3-й Электрической станции (Бельгийского общества; наб. р. Фонтанки, 104 – Введенский канал, 2) электрического освещения не было три недели. Это случалось так часто, что петроградцы к отсутствию света привыкли.

На отопление институтских комнат требовалось 45 сажень дров. В институте было 17 кафельных печей и одна

---

⁸ См.: *Чукова-Александрова Л. К.* Петрозаводск-Петербург // Православие в Карелии : информационный портал Петрозаводский и Карельской епархии. Петрозаводск, 2001-2013. URL:<http://eparhia.karelia.ru/index.html>

дизельная печь, добытая трудами студента отца Макария, который и топил печи. Дизельная печь давала много тепла при сравнительно малом расходе дров. Зима 1919–1920 гг. выдалась особенно тяжелой, весна запоздала, и топить приходилось даже в мае. Город в 1920–1922 гг. переживал сильный дровяной кризис. Дрова получали по ордерам, выдаваемым на Морской улице, 37 – в подотделе распределения топлива непромышленным потребителям. Дровяные талоны «отоваривали» на складах Петротопы, находившихся на Тучковой набережной. С марта 1921 г. крестьяне Петроградской губернии перестали поставлять в город дрова по разверстке, печи топить стало нечем, и зима 1921–1922 гг. для большинства петроградцев прошла в поисках топлива. На дрова разбирались деревянные дома и торцовые мостовые. В августе 1921 г. по просьбе института ему была предоставлена баржа для разборки на дрова.

При Троицком подворье было два храма, но институт не имел к ним отношения, собственной домово́й церкви у него не было. Выделенные гражданской властью помещения были достаточны лишь для проведения лекционных занятий. 3 ноября 1920 г. Богословский институт ходатайствовал пред Св. Патриархом о передаче в полное владение учебному заведению храма, некоторых подворских помещений и свободных квартир, с подчинением братии Троицкого подворья ректору института. 18 декабря 1920 г. из канцелярии патриаршего подворья был отправлен ответ, отклоняющий ходатайство: ввиду уплотнения, свободных помещений и квартир в подворье не имеется, а распределение их находится в ведении домового комитета, «подчинение братии подворья ректору представляется неудобным»⁹.

В 1920/21 учебном году в институт были привезены иконостас и церковная утварь из церкви б. Ксениинского дворца (на площади Труда, 4), церковное облачение из Александроневской Лавры. Посылались письма коменданту бывшего дворца великого князя Алексея Александровича на Мойке (д. 122) с просьбой о передаче церковной утвари из церкви дворца и начальнику штаба Балтийского флота о предостав-

---

⁹ Д. 80. Л. 1.

лении в распоряжение Богословского института всего церковного имущества крейсера «Адмирал Макаров». Позже у института появилась надежда на открытие церкви во имя Св. Александра Невского в здании бывшего Училищного Совета на Кабинетской улице (ныне ул. Правды), 13. Но этим планам не суждено было сбыться.

Не имея институтской домово́й церкви, студенты и вольнослушатели участвовали в местной церковно-приходской жизни. Одни прислуживали в алтаре, читали и пели на клиросе, исполняли обязанности псаломщика за будничными литургиями. Другие заведовали приходскими библиотеками, занимались с детьми Законом Божи́м и обучали их пению, управляли церковным хором.

Среди преподавателей Богословского института были ученые с мировым именем, известные богословы Н. Н. Глубоковский, А. И. Бриллиантов, И. С. Пальмов, Ф. К. Андреев; университетские преподаватели – академик Б. А. Тураев, профессора Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, И. М. Гревс. Приглашались известные ученые из других городов. Ф. Андреев писал своему учителю и другу о Павлу Флоренскому: «Иван Павлович [Щербов] послал тебе безумное письмо с приглашением читать в Богословском институте, выше которого мы с ним никого, кроме Бога и Церкви, не почитаем»¹⁰.

В Петрограде остро ощущался недостаток в продуктах питания, в городе действовала карточная система. Среди людей умственного труда наблюдалось по заключению врачей особо сильное физическое истощение. И. П. Щербов писал в одном из писем о Федору Андрееву, что он так ослабел от недоедания, что едва передвигает ноги и подняться даже на лаврские ступеньки ему представляется большой сложностью. Комиссия по улучшения быта ученых (КУБУЧ) предоставляла всему профессорско-преподавательскому составу усиленный паек. Продовольственную помощь населению Петрограда оказывала Американская администрация помощи (АРА – American Relief Administration), наставники и студенты Богословского института неоднократно получали из АРА американский паек

---

¹⁰ Соколова Л. Когда горит свеча : Никольское кладбище Александро-Невской лавры. СПб., 2003. Вып. 1. С. 105.

и медикаменты. Институт регулярно выписывал для наставников и студентов хлебное и чаевое довольствие.

В начале мая 1921 г. руководство города призвало население к развертыванию огородничества. Во время продовольственного кризиса многие голодали, и сельскохозяйственные занятия являлись животрепещущим вопросом. В Богословский институт пришло письмо от Николая Ивановича Максимова из Детского Села. Он предлагал институту устроить студенческий картофельный и капустный огороды. Земельный участок в окрестностях Петрограда он советовал получить у какой-либо церкви, монастыря или у местных огородников. Он соглашался читать на устроенных в институте (после занятий или в праздничные дни) кратковременных курсах по огородничеству. К письму прилагалась подробнейшая смета на оборудование картофельного и капустного огородов: указывалась стоимость вспашки почвы, семян картофеля, капустной рассады, удобрений, посадки, бороньбы, окучки, уборки, доставки урожая. Также просчитаны были себестоимость, прибыль¹¹, указывалась базарная цена урожая и доходность урожая¹¹.

В Петрограде действовала обязательная трудовая повинность, людей забирали на общественные «каторжные» работы. Институт представлял в КУБУЧ списки преподавателей с просьбой освободить их от трудовой повинности по заготовке топлива и от снегоочистительной повинности¹².

Ф. Андреев в письме о. П. Флоренскому писал: «...состав и настроения слушателей поднимают и наш преподавательский дух»¹³. В Богословском институте царила удивительная братская атмосфера, дух взаимного сердечного единения между преподавателями и студентами на почве общей живой веры. Студенты мало напоминали обычных студентов. Возраст поступивших был от 18 до 60 лет. В институте учились не только священники, монахи и монахини, бывшие студенты духовных академий и семинарий, но и врачи, актрисы, военные.

---

¹¹ Д. 72. Л. 31-33.

¹² Д. 63. Л. 10, 14.

¹³ Цит. по: *Бовкало А. А., Галкин А. К.* Был единственный выпуск: к 75-летию Петроградского Богословского института // Веч. Петербург. 1995. 18 мая.

Среди студентов были поэт-футурист Д. А. Крючков, фольклорист В. Я. Пропп (в то время школьный учитель русского языка и литературы), музыковед Н. Д. Успенский, архитектор А. М. Арнольд и др. Почти все студенты проводили день на службе. Затем, наскоро пообедав, они торопились в институт и домой возвращались поздним вечером. Рассеянные по разным районам Петрограда, на расстоянии около 1 часа и более ходьбы от института, они при отсутствии трамвайного сообщения, единственного в то время городского транспорта, должны были не только приходить, но и возвращаться домой пешком. Некоторые студенты жили вне Петрограда и вынуждены были искать ночлега у знакомых. На подготовку к зачетам студенты имели очень мало времени, готовились часто без электрического освещения при свете коптилки, большею частью по конспектам и запискам, которые сами же переписывали, нередко в очень тяжелых семейных и материальных условиях¹⁴.

В 1922 г. положение студентов еще более ухудшилось. Вследствие сокращения штатов многие остались без заработка, вынуждены были с чрезвычайными усилиями отыскивать себе какое-либо занятие, иногда на короткое время – впредь до нового сокращения. При нэпе содержать себя стало еще труднее.

Помещение Института было достаточным для лекционных занятий, но студенческое общежитие поместить в нем было нельзя. Институт пытался помочь студентам и завести вблизи института хотя бы малое общежитие, с общим по возможности столом и церковным укладом жизни. Но времени на это уже не осталось.

Последний учебный год начался 1 мая 1922 г. Уже вскоре после актового дня – 24 мая (дня памяти Свв. Кирилла и Мефодия, почитаемых в институте своими покровителями; студенты мечтали в дальнейшем сделать этот день днем своих встреч) обстановка начала ухудшаться¹⁵.

21 апреля 1922 г., в канун 52-летия Ленина, власти издали декрет об изъятии церковных ценностей, поводом послужил

---

¹⁴ Д. 49. Л. 6.

¹⁵ См.: Бовкало А. А. Последний год существования Петроградского Богословского института // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 24. С. 484-549.

Судебный процесс по изъятию церковных ценностей. Июнь 1922 г.
Фото из: Квартальный надзиратель. 2005. № 12 (36)

голод в Поволжье. По делу о «противодействии изъятию церковных ценностей» были арестованы Митрополит Вениамин, ректор Н. К. Чуков и несколько членов Корпорации Богословского института. Слушание дела началось в июне 1922 г. в помещении б. Дворянского собрания. После оглашения смертного приговора специально приглашенные зрители – слушатели коммунистических курсов неистово аплодировали¹⁶. В ночь с 12 на 13 августа Святитель Вениамин, о. Сергей (Шейн), профессор Богословского института Ю. П. Новицкий были расстреляны на станции Пороховые Ириновской железной дороги.

Осенью 1922 г. профессоров Богословского института Н. О. Лосского и Л. П. Карсавина на пароходе «Пруссия» выслали за границу. Эта депортация интеллигенции была репрессивной мерой по отношению к инакомыслящим, имеющим собственные взгляды на происходящее в стране.

---

¹⁶ См.: *Сорокин В.* Исповедник: церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 276.

Целый год обновленцы* боролись за подчинение института, желая провести ревизию и превратить его в мужскую семиклассную семинарию.

5 января 1923 г. заведующей Главным комитетом профтехобразования Наркомпроса В. Яковлевой было послано указание в Петропрофобр: «в срочном порядке сообщить, существует ли в настоящее время Богословский институт... В случае, если институт продолжает свою деятельность, Главпрофобр поручает Вам немедленно принять меры к его ликвидации»¹⁷.

Однако закрыть институт оказалось непросто: он подчинялся другому ведомству (отделу управления Губисполкома) и был внесен в Реестр Обществ и Союзов, успешно прошел перерегистрацию. Переписка по этому вопросу длилась несколько месяцев, пока, наконец, узел не разрубил решение Совета института о самоликвидации.

15 августа 1922 г. на Совете проректор И. П. Щербов сообщил о тяжелом финансовом положении института. Прекратились церковные сборы. Квартирная плата повышалась с каждым месяцем, на так называемые «нетрудовые элементы» распространялся повышенный тариф. 2 мая 1923 г. Совет Богословского института принял решение о самоликвидации. Институт оказался с политической стороны неуязвим для советской власти, но она его задушила непосильными финансовыми тяготами. 6 мая 1923 г. Петроградский Богословский Институт прекратил свое существование, успев сделать только один выпуск. Его окончили 26 человек, из них 9 женщин. Дальнейшая судьба многих преподавателей и студентов трагична. Многие из них преследовались за веру, были репрессированы.

В мае 1923 г. и. о. ректора И. П. Щербов ходатайствовал о передаче всего делопроизводства б. Богословского института

---

* Обновленчество – движение в российском христианстве, возникшее после Февральской революции 1917 года. Декларировало цель «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения. Выступало против руководства Церковью Патриархом Тихоном, заявляя о полной поддержке нового режима и проводимых им преобразований.

¹⁷ Цит. по: *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб., 1995. С.90.

ввиду его исторического значения в Центроархив. Круг замкнулся: именно И. П. Щербову принадлежала идея образования Богословского института, и благодаря ему сохранилась память об институте. Фонд Петроградского Богословского института находится сейчас в ЦГИА СПб. Долгое время эти материалы были закрыты и лишь недавно стали доступны исследователям¹⁸.

Неоценимую помощь в работе оказали многочисленные публикации А. А. Бовкало о Богословском институте¹⁹. К сожалению, об этом времени сохранилось очень мало воспоминаний, люди боялись вести дневники, при аресте в них могли содержаться улики. Многое осталось только в памяти участников событий и ушло вместе с ними бесследно. Огромный провал в истории 1920–1930-х гг. необходимо сейчас восстанавливать, разыскивать по крупицам документальные свидетельства о прошлых гонениях и о том, как люди оставались праведниками в жуткое время и в страшных обстоятельствах.

---

¹⁸ В исследовании также использованы: Д. 49. Л. 2, 6, 7, 18; Д.61. Л. 4, 6, 7, 9; Д. 63. Л. 8, 10-15, 18, 22; Д. 70. Л. 3, 7, 54, 71; Д. 72. Л. 31-33; Д. 80. Л. 1.

¹⁹ Основная библиография публикаций о Петроградском Богословском институте указана в статье: *Сорокин В., Бовкало А. А., Галкин А. К.* Открытие Петроградского богословского института в 1920 году // Христианское чтение. 1997. № 14. После 1996 г. вышли следующие публикации А. А. Бовкало: Париж и петербургская эмиграция 1920-х гг.: церковная жизнь // Зарубежная Россия 1917–1945. СПб., 2004. С. 130-135; Св. Митрополит Вениамин и Петроградский Богословский институт // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института. Материалы 1999. М., 1999. С. 350-356. (В соавторстве с А.К. Галкиным); Последний год существования Петроградского Богословского института // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 24. С. 484-549; Паломничества студентов Петроградского Богословского института // «Петербуржец путешествует»: материалы конференции, 3-4 апреля 1997 года / сост.: Л. И. Кашпур, В. А. Фролов. СПб., 1998. С. 115-119. (Тр. Гос. музея истории Санкт-Петербурга ; вып. 3); К семидесятилетию выпуска Петроградского Богословского института // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института. Материалы 1998. М., 1998. С. 200-204; Просветительская деятельность Ф. К. Андреева в Петроградском Богословском институте // Там же. С. 191-194. (В соавторстве с А. К. Галкиным); Д. А. Крючков и Петроградский Богословский институт // Рус. литература. 1997. № 1. С. 182-185; Н. О. Лосский и Петроградский Богословский институт // Вопр. философии. 1997. № 1. С. 150-153.

Здание б. Троицкого подворья на набережной Фонтанки недолго пустовало. В конце 1923 г. в нем поселился пролетарский клуб «Старая и Молодая Гвардия», просуществовавший по этому адресу до 1938 г.

В ЦГАЛИ СПб, где хранятся документы ленинградских учреждений культуры, архив «Старой и Молодой Гвардии» не отложился. В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) найдено дело, посвященное жизни клуба в течение нескольких месяцев 1927 г. Историю клуба приходилось восстанавливать, просматривая de visu городские газеты 1920–1930-х гг. В газетных публикациях сохранились подробности клубной жизни, не отретушированные временем²⁰.

Родился клуб в конце 1918 г. недалеко от Театральной площади, на улице Глинки, 4. В графском особняке Мордвиновых приютился Второй Городской райком РКСМ. Ребята заседали, «обедали» в одной комнате. Среди активистов были беспризорные, в этой же комнате и ночевавшие. К концу года в организацию стало прибывать все больше и больше народу. Ребята «добыли» ордер на квартиру господина Балабанова, находившуюся на той же улице Глинки, в доме № 1, и в начале 1919 г. разместились там.

В августе 1918 г. большевики приняли декрет «Об отмене прав частной собственности на недвижимое имущество». После этого комиссии по вселению и домовые комитеты занялись дележом квартир, из которых их истинные хозяева не собирались выезжать. Новые жильцы пользовались вещами прежних хозяев – ведь вселение, как правило, сопровождалось конфискацией имущества²¹.

Ежедневно в клуб приходило 60-80 человек. Здесь было тепло и уютно, всем входящим ребятам давали кусочек хлеба и ложку «повидлы».

---

²⁰ В работе использованы: Смена. 1924. 18 июня. С. 5; 3 окт. С. 3; 1926. 28 сент. С. 2; 1927. 5 февр. С. 3; 1927. 30 апр. С. 3; 6 дек. С. 3; 1928. 12., 28 февр. 1929. 1 марта. С. 4; 13 нояб. С. 5; 1937. 29 июля. С. 2; Красная газета. 1923. 23 дек. С. 2; 1927. 5 февр. С. 3.

²¹ См.: *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 26.

Набережная р. Фонтанки.
Части фасадов домов №№ 44/1 – 44/2. 1939 г.
ЦГАКФФД СПб

Затем клуб сменил несколько адресов, среди них помещение бывшего Интимного театра на набережной Крюкова канала, 12; особняки графа Кудашева на Морской улице, 57, и на Мойке, 120. Одно время занимали сад бывшего Луна-парка (ул. Декабристов, 39), где были поставлены первые массовые комсомольские инсценировки – «Стенька Разин» и «Интернационал Молодежи».

В 1922 г. вернулись на место зарождения союза – на улицу Глинки, д. 4. Многие ребята пришли с фронта. Однажды на вечере воспоминаний заговорили о связи комсомола с партией и решили создать объединенный партийно-комсомольский клуб с названием «Старая и Молодая Гвардия». Клуб был на хорошем счету в Губкоме и Губоно, и в конце 1923 г. ему предоставили целое здание бывшего Троицкого подворья на Фонтанке.

На ярко-голубом с золотыми звездами куполе монастырского подворья долгое время сохранялся золотой крест. Фасад здания украшали иконы, кресты, разноцветные золоченые наличники. Часто, не разобрав в чем дело, богомольные старушки, проходя мимо, крестились на комсомольский клуб.

Позже в 1920-е гг. церковный купол покрасили краской, чтобы он меньше привлекал внимание прохожих, а в 1931–1934 гг. во время капитального ремонта разобрали вовсе. С фасада безжалостно сбили украшавшие его керамические и скульптурные детали, фигурные наличники, а вместо трёх «кокошников» над центральной частью выполнили небольшой парапет. На гладких и отсыревших стенах с облезлой штукатуркой на уровне второго этажа установили два балкона. Оштукатурили существовавший бутовый плитный цоколь. Убрали металлические козырьки на чугунных колонках. У входа горела красная вывеска-фонарь «Клуб РКСМ». Часто в городе пролетарский клуб узнавался по наружному виду: если все стекла выбиты – тут и клуб. В «Старой и Молодой Гвардии» гордились, что у них все стекла оставались целы.

Новые хозяева с увлечением приспособливали помещение бывшего подворья под клуб. К открытию комсомольцы приготовили специальные светящиеся лозунги и антирелигиозные плакаты, при входе посетителей встречали строки:

«Из храма рабства, тьмы насилья –
храм коммунизма создадим!
Все суеверья, предрассудки
мы силой знанья сокрушим!»²².

Но запах ладана вытеснялся с большим трудом. Ремонт здания финансировался плохо, часть культовых помещений значительно не переделывалась, производились лишь отделочные работы, при которых была ликвидирована прежняя внутренняя церковная отделка стен²³. Долгое время сохранялась огромная картина, изображающая благолепный монастырь. Ребята замазывали иконы, святые образы сменили портреты пролетарских вождей, лозунги и плакаты. «Здесь даже портрет тов. Фрунзе умудрились запихнуть в такую пышную

---

²² Красная газета. 1923. 23 дек. С. 2.

²³ См.: *Иткин Д.* Историческая справка.

золоченую раму, что тов. Фрунзе стал напоминать какого-то архиерея»²⁴. Под самым потолком, так, что ее не было никому видно, висела копия с картины И. И. Бродского «Заседание Коминтерна».

Помещение «Старой и Молодой Гвардии» не всегда отапливалось. Каждый вечер на лестнице у входа в клуб происходила баталия: по распоряжению администрации контролер никого не пропускал в пальто, а ребята старались проникнуть во внутренние комнаты в верхней одежде, потому что и посетители, и выступающие страдали от холода.

Поднявшись по лестнице, молодежь сразу же попадала в читальню и библиотеку. В небольшой и светлой читальне могло поместиться не более трех-четырех человек. Многие молодые люди в силу невысокой общей культуры не чувствовали вкуса к чтению, но тем не менее, комсомолец, не пользовавшийся библиотекой, считался несознательным элементом.

Прошлогодние номера газет ребята называли «историческим архивом». Книги, изданные 5 лет назад, – дребеденью, грудями печатного утиля. Энциклопедические словари, многотомные научные издания считали «завалью». Книги «Макар – карающая рука» А. Платонова, «Темная грива» А. Перегудова в представлении многих были «книжной макулатурой», а интересными считались книги Д. Лондона, «Чапаев» Д. Фурманова, «Города и годы» К. Федина, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Тихий Дон» М. Шолохова²⁵.

По адресным книгам «Весь Ленинград» можно проследить, что заведующие клубом ежегодно менялись: 1924 г. – зав. т. Сорокин, 1925 г. – зав. т. Мезенцов, 1926 г. – зав. т. Дерягин, 1927 г. – зав. т. Юрисов, 1928 г. – зав. т. Лившиц, 1929 г. – зав. т. Дитрих, 1930–1931 гг. – зав. т. П. Ф. Яковлев, 1933–1935 гг. – зав. т. А. А. Шкляревский. Заведующий учебной частью т. Кучин и завхоз т. Шишаев были сняты с работы, «имея ввиду халатность»²⁶. Возможно, и заведующие клубом снимались с подобными формулировками.

---

²⁴ Смена. 1929. 13 нояб. С. 5.

²⁵ Смена. 1924. 18 июня. С. 5; 3 окт. С. 3.

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. К-1381. Оп. 1. Д. 1756. Л. 12.

Существовала резолюция обкома от 21 июля 1928 г.: «Указать райкомам ВЛКСМ на недопустимость частой смены руководящих работников, особенно в процессе учебной работы, более тщательно подходя к подбору их и согласовывая каждую выдвинутую кандидатуру с Районо и Политпросветом»²⁷. Однако большинство заведующих и массовиков клубов не имело ни среднего образования, ни опыта клубной работы, да и откуда было взяться опыту, если средняя продолжительность их работы не превышала 8-10 месяцев.

На третьем этаже клуба, в бывших аудиториях Богословского института, размещалось правление «Старой и Молодой гвардии», различные кружки, комнаты для отдыха и игр.

В комнате отдыха можно было почитать газеты и журналы, поиграть в шашки, шахматы, домино и другие настольные игры. Играющих всегда окружали группы болельщиков, внимательно следивших за ходом игры и дававших советы. Можно было «пошевелить мозгами» над разгадкой ребусов, поиграть на пианино или просто отдохнуть в уютной обстановке.

Некоторые кружки занимали одно и то же помещение, и ребята часто ожидали своих занятий. По комнате отдыха время от времени проходил дежурный сторож, приглашая ребят на занятия: «Драмкружок, руководитель пришел» или «Союзная школа 5 созыва, на занятия!». Клуб нуждался в расширении, и поднимался вопрос о передаче ему помещения Музея города, находившегося в соседнем особняке гр. Н. К. Карловой на Фонтанке, 46²⁸.

Все кружки в «Старой и Молодой гвардии» были бесплатными. В 1920-е гг. над клубом шефствовала Академия наук, и шефы проводили экскурсии в многочисленные музеи академии. Эти музеи снабжали лаборатории клуба экспонатами. Летом Академия наук обещала принять в свои экспедиции ребят, проработавших тот или иной научный вопрос.

В бывшей Троицкой церкви находился Большой зрительный зал, вначале (до 1934 г.) – под церковным куполом. В куполе вместо Бога Саваофа нарисовали «прекрасное изображение эмблемы Коммунистического Интернационала

---

²⁷ Там же. Д. 1758. Л. 2.

²⁸ Там же. Д. 1756. Л. 12.

молодежи»²⁹. На месте алтаря комсомольцы устроили театральную сцену, занавес соорудили из церковных риз. Ребята вспоминали, как они с большим трудом разрушали великолепный мраморный иконостас.

В клубе читались лекции, устраивались концерты, встречи с писателями и учеными, шахматные и шашечные олимпиады, сеансы одновременной игры, проходили «групповые читки», комсомольское рождество и пасха, «вечера спайки», слеты «легкой кавалерии», показывались «живые газеты». На конкурсе затейников 1928 г. одиннадцатилетний Саша Морозов исполнял вальс «Разбитая жизнь», а студенты института физкультуры С. Колтыпин и С. Васильев исполняли на мандолинах музыкальную картинку собственного сочинения «Смычка города с деревней»³⁰.

Буфет служил своеобразным барометром: когда в зрительном зале было скучно, большинство ребят перемещалось в буфет. «Если в клубе “Старая и Молодая Гвардия” кино, то народу полно, если же – лекция, то билеты в коллективах валяются, вход на лекцию был свободный, и народу собиралось всего человек 10-12», – отмечала газета³¹.

А лекции в клубе часто были очень интересные: в 1927 г. несколько лекций о Ленинграде прочитал П. Н. Столпянский, в литературных вечерах участвовали А. Толстой, литературные группы «Резец» и «Содружество». В 1920-е гг. в клубы привлекались выдающиеся деятели науки, культуры и искусства, которые старались передать молодежи знания на высоком профессиональном уровне. Многие выступающие с радостью «несли искусство в массы». Часто вечера проходили в неотопливаемых помещениях, выступающие вынуждены были выходить на сцену в пальто, ватниках, валенках, от холода у них «садились голоса», иногда на эстраде у певцов изо рта шел пар, а у аккомпаниаторов от холода сводило руки³². От культуры не отказывались, но постепенно она уходила вместе с людьми.

---

²⁹ См.: Красная газета. 1927. 5 февр. С. 3; 1923. 23 дек. С. 2.

³⁰ Смена. 1928. 12 февр., 28 февр.

³¹ Смена. 1927. 30 апр. С. 3.

³² См.: Ленинградская консерватория в воспоминаниях : в 2 кн. 2-е изд., доп. Л., 1988. Кн. 2. С. 197-204.

Молодежь предпочитала смотреть фильмы в клубах, которые стыдливо допускали кино как верную приманку для посетителей: репертуар с кинотеатрами был одинаковый, но в клубах билеты были либо бесплатные, либо дешевле наполовину (15-20 коп.); к тому же после фильмов часто устраивались танцы. Несколько дней в неделю в «Старой и Молодой Гвардии» работал дешевый кинотеатр, в котором демонстрировались немые фильмы в сопровождении фисгармонии.

Механическое соединение лекции и кино («после лекции кино») всегда вызывало некоторую «разреженность» аудитории на лекции и полный зал потом, особенно на «бесплатном кино». Правление клуба вынуждено было принять меры. Вывешивались объявления: «После доклада впуска в зрительный зал не будет», похожие предупреждения печатались в городских газетах.

Со второй половины 1920-х гг. в клубы в качестве иллюстраторов «литературных лекций» стали приглашать чтецов. Литературные вечера расширяли знакомство молодежи с художественной литературой. Каждый такой вечер представлял собой монтаж из лекции или вступительного слова, из художественного чтения, фильмов и концертных номеров. Художественное чтение включалось непосредственно в текст лекции, речь лектора неоднократно уступала место голосу чтеца. Здесь выступали Владимир Яхонтов, Антон Шварц, Павел Курзнер, Георгий Артоболевский и др. Чтецы учились у митинговых ораторов искусству воздействия на массы.

У неподготовленной публики хороший концерт пользовался большим успехом, чем пьеса. Клубам рекомендовали: пьесы лучше заменять концертами с выступлениями гармонистов³³.

Особенно популярны в клубах в 1920–1930-е гг. были диспуты. Молодежь волновали «жгучие» вопросы: можно ли комсомольцу носить галстук и фетровую шляпу; может ли комсомолка сшить себе нарядное платье; как расходовать полчку, или как она расходится? Так в 1929 г. дискутировался вопрос о допустимости рекламы по радио – возмущенные участники диспута дружно выразили единое мнение: «Рекламу снять!». На вечере замужних комсомолок обсуждался

---

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. К-1381. Оп. 1. Д. 1756. Л. 46, 50.

Физкультурный театр. Театрализованный показ одного из комплексов ГТО «Яхта». Фото Мицкевич. 19 апр. 1935 г.
ЦГАКФФД СПб

вопрос, как строить семью без отрыва от общественной жизни. Работающие молодые матери, видящие своих детей только по воскресеньям, жаловались, что дети, которых воспитывают бабушки и няни, научились креститься.

В 1920–1930-е гг. в стране происходит становление физкультурного движения, которое часто приобретает театрализованные черты. Многие молодые люди увлекаются спортом, ритмической гимнастикой. С конца 1920-х гг. в клубе работал кружок акробатов (или партерных гимнастов). Выступление участников кружка всегда производило на публику сильное впечатление. Ребята сами были постановщиками, декораторами и костюмерами, сами готовили осветительные эффекты. Они выступали заразительно весело, с большим подъемом, сложнейшие акробатические упражнения проделывали с элементами эксцентрики. Клубные гимнасты побеждали на различных конкурсах затейников.

Физкультурный театр при Доме коммунистического воспитания молодежи «Старая и Молодая гвардия» (ДКВМ) был образован 7 декабря 1932 г., с апреля 1936 г. стал именоваться ТФК «Спартак». Театр средствами искусства (движение, слово, музыка, свет) пропагандировал физкультуру, а также руководил секциями, кружками, проводил консультации. Он завоевал большую любовь и внимание зрителей, в газетах его называли «театром силы и красоты». Коллектив состоял из молодых, жизнерадостных, хорошо натренированных физкультурников. Постоянной площадки у театра не было, он выступал в рабочих клубах, и увидеть его можно было чисто случайно. Долгое время физкультурный театр существовал без необходимой финансовой поддержки, его материальные возможности были крайне ограниченными: не хватало средств на приглашение режиссеров, сценаристов, художников, порой не хватало даже самых необходимых материалов для декораций и костюмов. Своими силами физкультурный театр мог ставить лишь отдельные эстрадные номера и примитивные инсценировки. Со временем руководящие работники Ленсовета и Обкома ВЛКСМ окружили физкультурный театр исключительным вниманием. Театр был ликвидирован в апреле 1940 г.

Посетители клуба обращали внимание на доску справочного пункта, сплошь «облепленную» бланками вопросов. Ребятам волновало разное: кто-то спрашивал – «с кем лучше жить, с блондинкой или брюнеткой?» Кто-то: «Не является ли оплошностью со стороны ЦК партии исключение оппозиционеров из партии, т. к. Троцкий и Зиновьев – люди, посвятившие себя революции, и они обеспечили победу революции в нашей стране?», «Почему преследуют рабочего и коммуниста, который высказывает свои мнения и соображения?». Были вопросы противоположного характера: «Почему ЦК долго нянчится с оппозицией?» и «Почему оппозиция за свои выступления строго не наказана, ведь уже надоело ее слушать?»⁵⁴. Ответы на вопросы вывешивались в справочном кабинете через 1-7 дней.

---

⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. К-1381. Оп. 1. Д. 1756. Л. 35.

В летний сезон, с мая по сентябрь, клубная работа переносилась в сад «Старой и Молодой Гвардии», находившийся в бывшем Шереметевском саду. Билеты выдавались в клубной канцелярии или продавались при входе в сад – с набережной Фонтанки, 34, или с проспекта Володарского (Литейного), 51. Входной билет стоил 30 копеек, желающие могли приобрести сезонный билет. В дощатом павильончике играл духовой оркестр, встречавший пришедших веселым маршем. Вокруг большой клумбы (до сих пор сохранившейся) и по аллеям уныло бродила публика, изнывающая в ожидании концерта. Райком комсомола предлагал устраивать коллективное хождение по саду. В жаркое время площадь и аллеи сада поливались водой. В одной будочке несколько человек занимались «увлекательной» игрой в серсо, в другой продавали ирис. В саду был также стрелковый тир, где можно было принять участие в конкурсной стрельбе. Пока молодежь собиралась, затейники развлекали уже пришедших. Концерт обычно начинался в девять часов вечера. На политических мероприятиях и митингах сад украшался портретами вождей, алыми флагами и плакатами. Девушки приносили на митинги букеты цветов – «ярких, как наша цветущая жизнь»⁵⁵.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Ленинграде началось строительство новых клубов-гигантов: Дворца культуры Московско-Нарвского района, Выборгского Дома культуры, Дома культуры им. Первой пятилетки, Дворца культуры им. С. М. Кирова и др. В них были прекрасно оборудованные кинозалы, лектории, библиотеки, комнаты для кружковой и спортивной работы. В уклад клубов в середине 1930-х гг. вошли также гостиные, комнаты отдыха, детские комнаты. Для их устройства предлагалось даже уплотнить кружки. О клубах стали судить, как о доме, в котором должно быть чисто и уютно, светло и радостно. Люди, устав от долгих лет бытовой неустроенности, стремились к праздничности отдыха⁵⁶. В помещениях расставлялась мягкая мебель, небольшие столики для игр, стеллажи с газетами и журналами, зелень, комнаты освещались неярким светом.

---

⁵⁵ Смена. 1937. 29 июля. С. 2.

⁵⁶ См.: Хазанова В. Клубная жизнь и архитектура клуба: 1917–1941. М., 2000. С. 82.

Естественно, в новых клубах условия для работы и отдыха были гораздо лучше, чем в «Старой и Молодой Гвардии», которая плохо финансировалась и находилась в помещении, постоянно требующем ремонта.

«Старая и Молодая Гвардия» больше не проводила собственных массовых мероприятий. Вся работа тесно увязывалась с Куйбышевским райкомом ВЛКСМ. Здесь проводились мероприятия предвыборной компании – клуб стал как бы продолжением райкома.

В конце 1930-х гг. ДКВМ на 15 дней в месяц превращали в кино, дней на шесть сдавали в аренду различным учреждениям, а в остальные дни – «организовывали» лекции. Случайно собранная публика вела себя на лекциях довольно бурно: в зале стояли шум, разговоры, смех. Слушатели ходили по залу, а потом многие из них и вовсе уходили. Администрация дома вывела из зала хулиганов.

ДКВМ практически совсем перестали посещать комсомольские активисты. В комсомольские комитеты рассылались билеты на танцевальные вечера, и молодежь, любящая потанцевать, приходила в клуб охотно. В качестве контрамарок на эти вечера использовали и нераспространенные билеты в Большой зрительный зал на 600 мест, который теперь пустовал. Давно прекратили работать самодеятельные и научно-популярные кружки. Единственным оставшимся кружком была платная школа танцев. «Хозяевами положения» в ДКВМ стали любители легких развлечений.

В клубе воцарилась тишина. Люди, с трудом преодолевшие барьер из швейцаров и билетерш, уныло шатались по фойе, бродили по комнатам в ожидании, пока освободятся настольные бильярды – единственный вид развлечения. Кроме зала и фойе в ДКВМ ничего не осталось, весь дом заняла школа для взрослых.

Деятельность клуба «Старой и Молодой Гвардии» постепенно угасала, пока не угасла совсем.

В 1939–1940 гг. в здание на Фонтанке, 44, с площади Лас-саля (пл. Искусств), 3, переехала Ленинградская центральная библиотека ГОРОНО (в 1953 г., в дни 60-летия со дня рождения В. В. Маяковского библиотеке было присвоено его имя).

*Д. И. Иткин,
архитектор*

**Историческая справка о застройке территории,
отнесенной б. Свято-Троицко-Сергиевой Лаврой
подворью на б. Московской стороне
Санкт-Петербурга, адрес: наб. р. Фонтанки,
д. 44 – ул. Рубинштейна, д. 3**

История

Лавра – наиболее богатый и обширный монастырь, находящийся вне зависимости от епархиальных епископов, подчиняемых непосредственно высокой церковной власти. С XVIII века это название присвоено в иерархическое преимущество трем, только первостепенным, монастырям: Киево-Печерскому, Троице-Сергиевскому и Александро-Невскому, позднее появилась и четвертая Лавра – Почаевская. В Санкт-Петербурге по Указу Петра I, в 1710 году был основан Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь. Основан он был в память победы над шведами, одержанной в 1240 году на берегах Невы русскими войсками под командованием новгородского князя Александра Ярославовича (Невского). В 1767 году монастырь получил наименование Лавры.

Свято-Троице-Сергиева Лавра, крупнейший древнерусский монастырь, основанный в XIV веке, являлся важным пунктом обороны Москвы с севера. Сыграл большую военно-патриотическую роль в период борьбы с польской и шведской интервенцией начала XVII в. Получил название Лавры в 1744 году.

Троице-Сергиева Лавра (по старому г. Сергиев, ныне г. Загорск Московской области) включает в себя ряд архитектурных памятников XV–XVII вв.), в т. ч. Троицкий собор с росписью А. Рублева).

В наши дни Лавра отмечает свое 650-летие, однако вызывает сожаление неблагополучное состояние отдельных ценных

зданий этого исторического памятника, о чем сообщала «Литературная газета» от 2 сентября 1987 года.

Подворье: малая местность (подворновладение) – общежитие для монахов в городе, преимущественно в столице, составляющее обыкновенно собственность монастыря (Лавры), находящегося вне города. При подворьях часто устраивались церкви со штатом священно- и церковнослужителей из монашествующих того же монастыря. Подворья служат гостиницей и имеют целью сбор и пользу монастыря пожертвований и доходов. Не лишне отметить, что в петровское время и несколько позднее, в Санкт-Петербурге, кроме описываемого Троицко-Сергиева подворья, существовало еще два подворья, но принадлежащих Александро-Невскому монастырю (Лавре).

Первое Адмиралтейское подворье, или, как его еще называли, Невское, располагалось в районе нынешнего перекрестка улицы Гоголя и Кирпичного переулка. Второе подворье располагалось на 7-й линии, в составе 2-х зданий. Оба подворья были примитивными мазанковыми постройками.

В XIX в. в Петербурге было уже несколько подворий, располагавшихся по новым адресам – кирпичные обширные постройки.

Описание застройки и развития подворья для подмосковной Лавры, выстроенного в Санкт-Петербурге (современный адрес – наб. р. Фонтанки, д. 44)

На землях, пожалованных Петром I Александро-Невскому монастырю, на территории, пролежавшей в ту пору за границей города, на так называемой б. Московской стороне, в 1718 году было выстроено первое деревянное здание Свято-Троицко-Сергиева подворья. По соседству, на пять лет ранее, была прорублена просека – устроена дорога, ведущая от Адмиралтейства в сторону Александро-Невского монастыря, названная Большая перспективная дорога (так тогда назывался нынешний Невский проспект).

Деревянное подворье разместилось на левом берегу реки Безымянный ерик, позже названный рекой Фонтанной (Фонтанкой).

В этом районе в ту пору большой застройки еще не велось, лишь на самом берегу виднелись загородные дачи вельмож и знати. Вначале земельный участок, отведенный подворью, в своей восточной границе доходил до Литейной улицы, проходившей тогда по трассе Владимирского проспекта. Позднее эта граница была перенесена на Головинский переулок, в свою очередь, позже называвшийся Троицким переулком, Троицкой улицей, а с 1929 года, к 100-летию со дня рождения композитора А. Г. Рубинштейна – улицей Рубинштейна.

Велось строительство подворья под непосредственным надзором ее настоятеля архимандрита Варлаама (в мире Василий Антипович Высоцкий). Этот иерей, будучи духовником шести высочайших особ, в т. ч. двух императриц – Екатерины I, жены Петра I, и Анны Иоанновны – пользовался авторитетом при дворе.

С первых дней проживания в подворье ему приходилось навещать Екатерину I в ее резиденции – Екатерингофе, а для этого (тогда в одиночку боязно было ходить из-за встречавшегося разбоя) он постоянно брал себе в сопровождение по несколько монахов. Все они пользовались ими же проложенной тропой – как сообщалось выше, это нынешняя улица Рубинштейна. От этой тропы путники вместе с Варлаамом переходили на другую протяжную тропу, проложенную в сторону Екатерингофа. Позднее эта тропа приобрела название Большая загородная дорога – ныне Загородный проспект.

На карте Санкт-Петербурга 1725 года уже показаны эти две тропы-просеки, позже ставшие улицами.

Нелишне сообщить, что нынешняя улица Рубинштейна к 1725 году замощена деревянным настилом, который практиковался для замощения в тот период. Местами уже на улице стояли преимущественно деревянные дома переселенцев с Адмиралтейского острова, на территории которого в 1736 и 1737 годах бушевали опустошительные пожары.

Возвращаясь к истории строительства Троице-Сергиева подворья, необходимо сообщить, что собственно каменное строение подворья, как и освящение церкви его, состоялось лишь в 1773 году, но уже без его основателя – архимандрита Варлаама.

Автор первой каменной постройки неизвестен, фасад ее со стороны набережной Фонтанки был маловыразителен. Вот что сообщается о нем в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона (т. IX, 1893 г., с. 263), где перечисляются работы архитектора А. М. Горностаева: «Кроме того, им превращен в характерное здание древнерусского стиля безобразный дом подворья Троице-Сергиевой Лавры».

Вот как о первой каменной постройке подворья сообщает известный историограф Петербурга в 1794 году – И. Г. Георги (глава V, Московская часть, стр. 120): «В сей части города, следующие почти таким порядком по течению реки Фонтанки: Троицкое каменное подворье, принадлежащее Троицкой Сергиевой Лавре в Москве. Оно находится на левом берегу реки Фонтанки подле бывшего Мятлева дома, напротив Аничковского дворца и есть каменное в 1 ярус строение, с церковью и колокольнею, в оном жительствует несколько братьев».

1733 год – императрица Анна Иоанновна дарит своему духовнику – архимандриту Варлааму – мызу, оставшуюся после кончины ее сестры Екатерины Ивановны. Мыза размещалась недалеко от Стрельны на Петергофской дороге. Второй раз Варлаам проявил способности умелого руководителя по строительству, на сей раз каменного монастыря, назначенного им Троице-Сергиевой пустыню. Выстроив его, Варлаам все чаще стал в него удаляться в поисках уединения. Он скончался в 20-х числах июля 1737 года в Петербурге и был похоронен в этом же монастыре, а над его прахом была воздвигнута небольшая каменная часовня. Императрица Анна очень скорбела о кончине своего духовника, пережила его всего на 3 года. В деревянном Троице-Сергиевом подворье на Фонтанке, в келье архимандрита Варлаама, находился образ преподобного Сергия Чудотворца. Предание говорит, что образ написан на доске от гроба чудотворца Сергия, взятый тотчас по открытии его. Образ этот позднее переместили в церковь монастыря Троице-Сергиевой пустыни.

Облик каменного здания подворья, выстроенного в 1753 году, выходящего своим главным фасадом на ответственный отрезок набережной Фонтанки вблизи Аничкова моста, перестал удовлетворять городские власти (смотри гравюру И. А. Иванова «Вид Аничкова дворца в 1814 году»). Слева,

И. А. Иванов. Вид Аничковского дворца с принадлежащим к нему строением. 1814–1815 гг. По оригиналу И. И. Терebeneва. ГРМ

за Фонтанкой, на другом берегу и виден старый фасад подворья – в виде трехзубцового фронтона.

Простояв свыше 100 лет, обветшал главный фасад, и было решено осуществить перестройку. Это надо было сделать, тем более, что соседнее здание дворца Белосельских-Белозерских уже блистало своими пропорциями и отделкой. Для целей перестройки подворья был приглашен Алексей Максимович Горностаев (1808–1862) – выдающийся деятель русской культуры, архитектор-художник, один из создателей «русского стиля», автор построек на о. Валаам, в Хельсинки, Ницце, Суздале и др. городах. В 1838 году – академик архитектуры. Зодчий к 1857 году осуществил в натуре проект, который предусматривал переработку главного фасада выходящего на наб. р. Фонтанки, придав зданию отделку в характере древнерусского стиля. Во время капитальных переделок старая колокольня, что размещалась в глубине двора, была разобрана, звонница была запроектирована в виде небольшой вышки-башенки. Последняя размещалась слева по фасаду вплотную к дворцу Белосельских-Белозерских.

Все это хорошо видно на фотографии, датируемой 1858–1860 годами, выполненной фотографом А. Лоренсом, который, применяя новый по тем временам мокро-коллодионный способ съемки, оказался одним из первых, кто запечатлел Санкт-Петербург 1850–1860-х годов. Благодаря этой фотографии, до нас дошел прекрасный образ здания подворья, выполненный большим мастером*.

Вслед за этой фотографией следует взглянуть на фотографии, которые исполнил автор настоящей исторической справки, в дальнейшем такие фотографии будут именоваться «фото автора»**.

Две фотографии отражают вид восточной стены храма, стена закруглена – это так называемая алтарная апсида, от каменной церкви, возведенной еще в 1753 году (лит. АЗ на генплане) (см. фото № 1, 2). Берет досада за дела незадачливого кровельщика, который в более поздний период умудрился навесить водосточные трубы не иначе, как на пилястры, имеющие приличного рисунка капители, что полностью испортило фасад.

На фото автора № 3 отражен южный фасад 2 этажа однопролетного дворового флигеля в 3 оконных проема в этаже. Последние, во 2 этаже, обрамлены лепными наличниками, которые «приморожены» к стене и состоят из сборных отрезков. Это заставляет думать, что флигель возведен был позднее, в 1850–1860-е годы, отражая участие в этой работе архитектора А. М. Горностаева. Необходимо отметить, что вместе с Горностаевым в реконструкции подворья архитектурным помощником участвовал Сергей Васильевич Садовников. После смерти Горностаева (1862 г.) С. В. Садовников продолжает трудиться самостоятельно над завершением реконструкции. К 1864 году Садовников также получает за многие свои творческие работы звание академика архитектуры. Успешное завершение реконструкции осуществляется в 1872 году.

Обратимся теперь к фотографии автора № 4, на которой виднеется 3-этажный корпус нового большого зала храма.

---

* Фото в архиве ЦГПБ не сохранилось.

** В архиве ЦГПБ им. В. В. Маяковского найдена пленка с черно-белыми фотографиями. Предположительно, автор снимков – архитектор Д. И. Иткин.

1. Двор здания № 44 (б. церковь Сергия Радонежского, алтарная часть). Фото автора.

2. Двор здания № 44. Фото автора

3. Двор здания № 44.
Фото автора

4. Двор здания № 44
(б. церковь Сергия
Радонежского).
Фото автора

Келарня во дворе здания № 44 (не сохранилась).
Фото автора

5. Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Фото нач. XX в.

Зал двусветный, имел большую высоту, что позднее дало возможность устроить дополнительное перекрытие. На генплане инвентаризационного чертежа, датированного апрелем 1977 года, этот лит. А2 показан в четыре этажа.

Строгая отделка в уязке с пышным обрамлением окон 3-го этажа, выполненным рисунчатой кирпичной выкладкой стен, отражает большое мастерство обоих авторов. Надо сказать, что наружные стены этого храма не оштукатурены, кладка кирпичных стен выполнена «под расшивку швов», с последующей покраской. В настоящее время осуществлена свежая окраска ПХВ в красный цвет.

Как выше сообщалось, после 1862 года архитектор С. В. Садовников самостоятельно работает по реконструкции и завершению работ. Им осуществляется надстройка 3-м этажом лицевой части здания подворья с включением в надстройку на высоту трех этажей, примыкающих к зданию справа каменных въездных ворот. Надстроив 3-й этаж, он не забывает отдать дань уважения творчеству своего руководителя (Горностаева). Отделку лицевого фасада на участке первых двух этажей он сохраняет почти полностью. Лишь вводит несколько пилястр, рустованных по 1 этажу и гладких во 2-м этаже. Сохраняется без изменений, вписываясь в 3-й этаж, размещаемая в левой стороне здания, звонница-шпиль. По центру постройки устроен небольшой фигурный фронтон, сзади, в глубине, высится красивых очертаний барабан с куполом нового храма, творение обоих мастеров.

Для того чтобы представить себе облик надстроенного подворья, взгляните на фото № 5, выполненное в начале XX века.

Параллельно с проводимой надстройкой, на противоположной, восточной границе земельного участка подворья, выходящей на нынешнюю улицу Рубинштейна, к 1872 году завершается большое строительство. Под № 3 на вышеназванной улице появился многоэтажный протяженный жилой доходный дом подворья. Автор этой постройки крупный зодчий-строитель, академик архитектуры (1859 г.), профессор (1871 г.) Михаил Алексеевич Макаров (1827–1873).

С годами, после Великой Октябрьской революции, керамические и штукатурные накладные детали главного фасада подворья – фигурные наличники и сандрики, выступающие

из плоскостей стены фасада, в значительном количестве были утрачены. Участки штукатурки в зоне навешенных водосточных труб имели множественные повреждения и отсыревание. Отделка дворовых фасадов также имела множественные повреждения, это относилось и к кровельным покрытиям, водосточным трубам, карнизам. Здание, оставленное своими постояльцами-монахами, оказалось в запустении, оставаясь незаселенным. Жилой дом подворья – Троицкая ул., 3 – перешел в ведение Местного Районного Совета, в тот период Смольнинского. Часть квартир, опустевших от выехавших жильцов, постепенно заселялась новыми.

К середине 1920-х годов здание подворья передается для использования его под учреждение культуры, для этих целей за довольно длительный срок осуществляется капитальный ремонт здания. Ограниченность средств для ремонта приводит к тому, что внутри здания часть культовых помещений значительно не переделывается. Исключением является разборка купола над бывшим залом храма. Внутри производятся лишь отделочные работы, которыми ликвидируется прежняя внутренняя церковная отделка стен, убирается алтарь. Отделка фасада видоизменяется – керамические детали его украшения снимаются, стены приводятся к гладким оштукатуренным плоскостям.

По центру здания, над 3-м этажом, выполняется небольшой парапет. Металлические козырьки на чугунных колонках убираются, устраиваются 2 балкона на уровне 2-го этажа. Существовавший бутовый, плитный цоколь оштукатуривается.

После ремонта фасад стал отвечать популярным в ту пору принципам в архитектуре, т. е. создание строгих форм и пропорций при простоте в отделке. Новый фасад стал близок идеям социалистического реализма в творчестве зодчих 1930-х годов. К этому времени в здании стал размещаться Дом коммунистического воспитания молодежи (ДКВМ) под названием «Старая и молодая гвардия». Таким образом, в здании началась клубная работа с молодежью.

Помимо лекций и различного рода занятий в кружках, молодежь могла в ДКВМ пользоваться имеющейся своей, небольшой поначалу, но неплохой по содержанию библиотекой. Таких домов коммунистического воспитания молодежи к 1931 году в Ленинграде было шесть, размещались они в

разных районах города. ДКВМ «Старая и молодая гвардия», а позднее и Рабочий театр при нем просуществовал в д. 44 по наб. р. Фонтанки до 1938 года.

В 1938 году здание было передано для размещения Центральной городской библиотеки. С 1939 года библиотека начала функционировать, не прекращая свою работу весь период Великой Отечественной войны, включая период вражеской блокады. Условия работы в осажденном городе были нелегкими. Библиотека и ее сотрудники обслуживали воинские части, госпиталя, части МПВО.

После окончания войны, в 1946 году, производится усиленный ремонт, без выезда из здания, осуществляется ликвидация повреждений, нанесенных войной.

В 1948 году здание оборудуется системой центрального водяного отопления.

В 1953 году в связи с исполняющейся 60-й годовщиной со дня рождения В. В. Маяковского Центральной городской библиотеке присваивается имя В. В. Маяковского.

В 1956 году осуществляется разборка ранее устроенного временного перекрытия в книгохранилище.

К 1966 году принимается решение лучше приспособить здание под нужды разросшейся библиотеки и отойти от помещений, ранее занимаемых ДКВМ. С 1968 года библиотека выезжает во временное помещение – первый этаж жилого дома в районе Ульянки, ул. Лени Голикова, д. 31, а иностранный отдел библиотеки также выехал, меняя свой адрес до 3-х раз.

Здание библиотеки на наб. р. Фонтанки, д. 44, длительное время не было включено в план подрядчику «Главленинградстрою» и вплоть до 1975 года не ремонтировалось и пустовало. Однако к 1977 году библиотека, после проведенного капитального ремонта, въехала в здание на Фонтанке вновь. На сей раз перепланированное здание лучше отвечало нуждам библиотеки, осуществляющей функции центральной городской. Были созданы читальные залы, просторные помещения абонемента, справочно-библиографического отдела. Созданы отдельные помещения научно-методического отдела, открыт огромный зал открытого доступа к книжным собраниям и т. д.

Путем устройства дополнительных перекрытий в высоком зале храма и других местах рабочая площадь библиотеки увеличилась на 850 кв. метров.

К 70-летию Великого Октября, осенью 1987 года, уличный и дворовые фасады здания библиотеки были вновь окрашены.

В 1969 году газета «Строительный рабочий» опубликовала в нескольких номерах путевые записки военного времени б. главного архитектора города в период с 1925 по 1938 года Л. А. Ильина, названные «Прогулки по Ленинграду». Во время одной такой прогулки в 1942 году Л. А. Ильин погиб от разорвавшегося рядом снаряда.

В № 34 этой газеты на стр. 12 в разделе, озаглавленном им «2. ФОНТАНКА» он, в частности, пишет:

«Следующий дом – в свое время подворье, когда-то выстроенное в формах русской архитектуры XVII века профессором Горностаевым, – должен был связать дом Карловых с дворцом Белосельских, чего нет сейчас. Это и надо непременно сделать с большим вниманием и тактом».

Следовало бы подумать в дальнейшем о том, что надо бы удовлетворить высказывание архитектора большого дарования и вкуса, каким был Л. А. Ильин.

Полезно было бы объявить открытый конкурс по линии Ленинградской архитектурной организации ЛОССА на улучшение отделки главного фасада здания библиотеки.

Здесь на фоне такой пышной отделки фасадов соседних с библиотекой зданий б. дворца Белосельских-Белозерских (№ 42) и б. особняка княгини Карловой (№ 46) напрашивается «обогащение» главного фасада библиотеки. Возможно воссоздание такого фасада, где нынешний декор и его убранство будут без большого насыщения его деталями отделки. Желательно получить взамен существующей глади стен строгий фасад, который сможет сблизить соседние особняки между собой и создать участок наб. р. Фонтанки, застроенный зданиями разной архитектурной значимости.

*Историческую справку составил архитектор Д. И. Иткин.
7 ноября 1987 года*

*Елена Васильевна Конюхова,
директор Мемориальной библиотеки
князя Г. В. Голицына*

Новые материалы к архитектурной истории особняка графини Н. Ф. Карловой на Фонтанке, 46¹

К замечательным архитектурным памятникам Петербурга относится особняк графини Н. Ф. Карловой на Фонтанке: это здание отличает изящество, соразмерность архитектурных форм, гармоничность элементов декора; оно включено в разнообразные справочники и путеводители по городу. Тем не менее, этот прекрасный барочный особняк до настоящего времени недостаточно изучен: не известны ни имя архитектора, ни дата возведения здания, не обнаружено каких-либо чертежей, относящихся к его постройке. По-прежнему самым полным и серьезным исследованием дома № 46 по набережной Фонтанки остается историческая справка, выполненная в 1949 г., сотрудницей ГИОП и будущим директором Музея истории Ленинграда Л. Н. Беловой². В последние годы вышел в свет ряд публикаций, посвященных владельцам участка, но они носят преимущественно историко-бытовой характер³. За исключением статьи Л. И. Бройтман⁴ другие авторы не проливают свет на историю застройки участка, строительства усадебного дома и его более поздних переделок.

Впервые в историографии рассматриваемого здания Л. И. Бройтман ввела в научный оборот имя первого владельца участка – петровского сподвижника, обер-комиссара Канцелярии городских дел У. А. Синявина. Она же уточнила дату покупки его двора гоф-интендантом А. Кормедоном,

---

¹ Статья публикуется по изд.: Первые Тихоновские чтения: материалы конференции 15 ноября 2011 года / отв. ред. Б.М. Кириков. СПб., 2012. 208 с.

² *Белова Л. Н.* Дом №46 по набережной Фонтанки. Историческая справка. 1949. КГИОП.

³ Наиболее значительными работами являются монография Г. А. Поповой «Особняк графини Карловой» (СПб., 1996) и глава в книге В. Б. и М. Я. Айзенштадт «По Фонтанке» (СПб., 2007).

⁴ *Бройтман Л. И.* Подворье Троице-Сергиевого монастыря и соседние дворы в 1730–1750-х годах // Фонтанка. 2008. № 3. С. 34-41.

проследила историю объединения двух соседних участков в руках нового владельца Ф. Я. Дубянского – духовника императрицы Елизаветы Петровны, и процитировала объявление из январского номера газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1749 г. о сдаче в аренду двухэтажного дома Дубянского и комнат «на Фонтанке речке»⁵.

Эти новые сведения позволяют нам сделать предположение, что самой верхней границей строительства каменного здания для духовника императрицы является 1748 г. В истории особняка на Фонтанке эта дата чрезвычайно важна, поскольку в работах предшественников Л. И. Бройтман разброс в датировках дома составляет более ста лет: авторы называют 1730-е, 1740-е гг., середину XVIII в., 1790-е гг. и 1843 г. Последние две даты явно не достоверны, так как на плане И. Ф. Трускотта 1752–1753 гг. мы видим на участке Ф. Я. Дубянского здание с характерным прямоугольным выступом центральной части в сторону Фонтанки (западный фасад), который существует и в наши дни. Следует отметить, что в справочнике КГИОП уточнено десятилетие постройки особняка: теперь вместо конца XVIII в. значится его середина⁶.

По-прежнему остается открытым вопрос об авторстве проекта усадебного дома духовника императрицы. В большинстве источников здание считается постройкой неизвестного зодчего, но обнаруженные недавно факты позволяют выдвинуть иную версию. Оказывается, в конце XIX в. существовало устойчивое мнение, что архитектором особняка на Фонтанке является Ф. Б. Растрелли. В 1895 г. – участок с постройками был приобретен герцогом Г. Г. Мекленбург-Стрелицким, вдова которого, графиня Н. Ф. Карлова, стала последней предреволюционной хозяйкой дома. Историк Г. А. Попова в начале 2000-х гг. обнаружила в переписке герцогов Мекленбургских, хранящейся ныне в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фразы о том, что они покупают дом Растрелли и будут жить в «растреллиевском доме». Еще одно подтверждение этой версии опубликовано в журнале «Нива»

---

⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1749. № 5.

⁶ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. СПб., 2003. С. 780.

за 1886 г. в разделе «Городские известия»: «Недавно приобретен Министерством Двора один из старинных домов столицы. Это дом Зиновьева близ Аничкина моста. Дом этот, *построенный знаменитым Растрелли* (выделено авт. – Е. К.), принадлежал духовнику Елисаветы Петровны»⁷. Любопытно, что еще в начале 1990-х гг. петербургский архитектор Тихомирова на основе анализа плана здания, элементов декоративного оформления его фасадов пришла к выводу, что, возможно, особняк на Фонтанке, 46, является одной из ранних работ Ф. Б. Растрелли⁸.

Безусловно, косвенная информация об авторстве Растрелли нуждается в документальном подтверждении, но в его пользу говорит и расчистка фасада здания, произведенная при его окраске в 2000 г. Один из слоев краски дома на Фонтанке оказался аналогичным самому первому, раскрытому в 1939 г., слою на стенах Екатерининского дворца, возведенного Растрелли в Царском Селе, – синего цвета с вкраплениями смальты⁹.

Растрелли, занимавший пост придворного архитектора с 1730 по 1763 гг., мог возвести усадебный дом на левом берегу Фонтанки для Ф. Я. Дубянского, получившего участок по соседству с подворьем Троице-Сергиева монастыря. Духовник императрицы Елисаветы Петровны стал хозяином «деревянного двора со строениями»¹⁰ в 1743 г. При нем было возведено каменное здание, которое владелец пытался сдать в наем в 1749 г., дав объявление в газету. В доме Ф. Я. Дубянского была устроена церковь, просуществовавшая, вероятно, до одной из перестроек: по проекту архитектора В. И. Беретти в 1810–1830-х гг. (при внуке протоиерея – А. М. Дубянском) или зодчего В. Я. Лангвагена в 1843 г. (по заказу правнука Ф. Я. Дубянского – Н. В. Зиновьева). По воспоминаниям

---

⁷ Нива. 1886. № 43. С. 1082. Информация любезно предоставлена М. Н. Величенко.

⁸ Сообщено Г. А. Поповой автору в частной беседе.

⁹ *Ботт И. К.* Фасад Большого Царскосельского дворца: легенды и реальности // Царское Село на перекрестке времен и судеб: XVI Царскосельская научная конференция. СПб., 2009. Ч. 1. С. 83-100.

¹⁰ Цит. по: *Бройтман Л. И.* Указ. соч. С. 38.

современников, в домовая церковь Дубяньских в начале XIX в. пел знаменитый хор под руководством композитора П. И. Турчанинова. Его певчие также составляли приходской хор в церкви Св. ап. Павла при Мариинской больнице. По словам барона М. А. Корфа, послушать пение крепостных А. М. Дубяньского съезжалась вся петербургская знать, и по своему мастерству хор Дубяньского соперничал с Придворным¹¹. Граф С. Д. Шереметев считал, что такой знаток и ценитель музыки, как его отец, Д. Н. Шереметев, «немало обязан развитием своего музыкального вкуса»¹² влиянию соседей по Фонтанке – любителей хорового и особенно церковного пения. Свое свидетельство о певчих А. М. Дубяньского оставил также композитор Юрий Арнольд: «В тридцатых годах пользовался также большой известностью хор Дубяньского. Потомок несметного богача, любимого духовника императрицы Елизаветы Петровны, Дубяньский жил на Фонтанке, против Аничкова дворца, в своем роскошном доме. В его *домовой церкви* (выделено авт. – Е. К.) собирались любители церковного пения послушать знаменитый хор, состоявший из 50 прекрасно подобранных голосов. Солисты этого хора учились чуть ли не у Галуппи или у самого Сарты»¹³.

Ни в одном из источников не говорится о месте расположения церкви в особняке Дубяньских. Анализируя план здания, мы можем предположить, что домовая церковь находилась в северо-западной части здания, в зале, завершающем анфиладу второго этажа¹⁴. Помещение ориентировано на восток, его северное окно обращено на глухую стену подворья Троице-Сергиевой лавры. В процессе преобразования церкви в гостиную ее восточная стена была оформлена изящной экседрой с мраморным камином в стиле «ампир» в центре. Вероятно, полукруглая ниша была устроена на месте алтаря, а между двумя колоннами коринфского ордера из искусственного мрамора, ныне обрамляющими экседру, некогда располагался

---

¹¹ Корф М. А., барон. Дневник, год 1843. М., 2004. С. 237.

¹² Шереметев С. Д., граф. Воспоминания. М., 2005. Т. 2. С. 323.

¹³ Яцевич А. Крепостные в Петербурге. Л., 1931. С. 59.

¹⁴ Ныне медиатека ЦГПБ им. В.В. Маяковского; у последних владельцев – кабинет графини Н. Ф. Карловой.

иконостас. При реконструкции зала (или немного позже) его плафон был расписан по периметру растительным орнаментом с расположенными в углах медальонами-вставками с маскаронами, цветами, порхающими птицами и бабочками. В середине каждой из сторон плафона в окружении виньеток из цветов и гирлянд растений размещены поддерживаемые фигурками путти живописные прямоугольные вставки с архитектурными пейзажами. До настоящего времени изображения на панно не были атрибутированы.

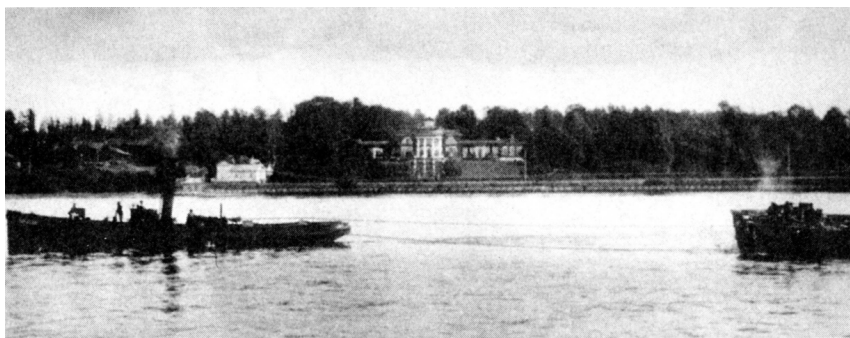
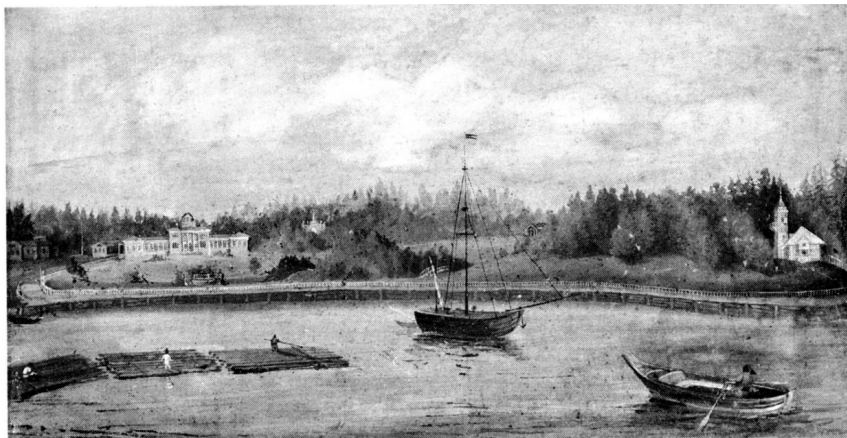
Известно, что в первой трети XIX в. архитектор В. И. Беретти много и плодотворно работал для А. М. Дубянского. По проектам зодчего построены здания в имениях Гревова (недалеко от Копорья) и Богословка на Неве (ныне Невский лесопарк), в 1810–1820-е гг. он вел переделки в доме Дубянских на Фонтанке, в 1830 г. возвел здесь въездные ворота. Логично было бы предположить, что именно Беретти является автором интерьера, перестроенного из домово́й церкви. Доминантой в декоративном оформлении помещения является живописный плафон, на котором запечатлен шедевр архитектора – ансамбль, возведенный им в загородном имении А. М. Дубянского Богословке на Неве. В. И. Беретти построил там усадебный дом (1828–1831 гг.), павильон Эрмитаж (1831 г.), большой мост с аркою и деревянный павильон (1834–1835 гг.). К величайшему сожалению, все сооружения выдающегося зодчего в имении Дубянских на Неве были утрачены после 1917 г.

Истории Богословки посвящена статья О. М. Кормильцевой и Г. И. Лоханова¹⁵, иллюстрации к которой позволили не только определить дату росписи плафона (перестройки?) углового помещения в городском доме Дубянских, но и идентифицировать архитектурные пейзажи на плафоне. В начале XX в. хозяева Богословки сдавали дачникам (инженерам, строителям, архитекторам и художникам) свои помещения. Инженер Б. В. Волуйский, проводивший лето в имении наследников А. М. Дубянского – Зиновьевых, запечатлел на

---

¹⁵ *Кормильцева О. М., Лоханов Г. И. Усадьба Богословка – Зиновьево – Невский лесопарк // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. Краеведческие записки. СПб., 2004. С. 94–121.*

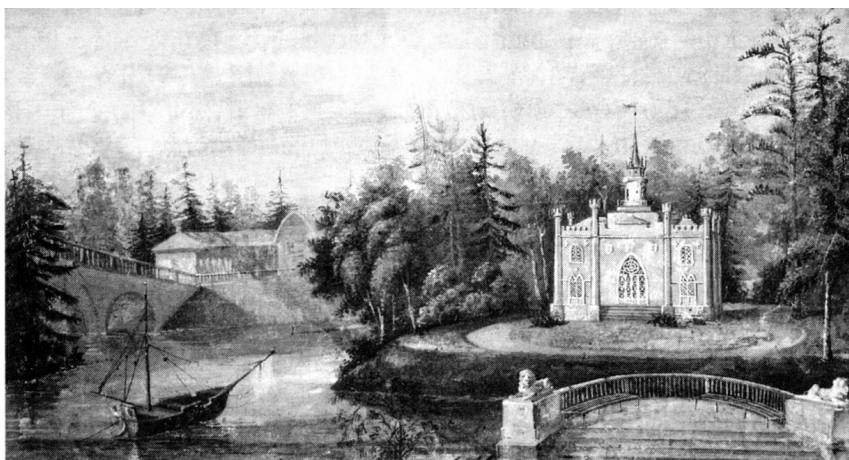

Вид Богословки.
Живописное панно и фотография Б. В. Волуйского

фотопленке пейзажи и постройки В. И. Беретти, воспроизведенные в статье О. М. Кормильцевой и Г. И. Лоханова.

Полихромные изображения на плафоне в угловом зале особняка на Фонтанке совпадают с черно-белыми фотографиями Волуйского.

Первое панно представляет собой пейзаж с изображением Невы на переднем плане. На воде находятся небольшое мачтовое судно, лодка и плоты. Берег укреплен, вдоль него, поворачивая к усадебному дому, идет дорога с невысокой белой балюстрадой. У берега справа видна небольшая церковь с

Панно и фотография Б. В. Волуйского.

колокольной, в центре, в зелени деревьев, – готическое завершение Эрмитажа, а слева – усадебный дом, увенчанный бельведером, и хозяйственные постройки, примыкающие к главному зданию. На берегу, по центральной оси дворца, расположена смотровая площадка на Неву.

На второй живописной вставке мы видим место впадения Черной речки в Неву: однопролетный мост с оградой, идущая вдоль реки дорога, обсаженная с одной стороны деревьями. Дворец сложной объемно-пространственной формы стоит на высоком берегу Невы и обращен своим парадным фасадом к зрителю. На противоположном берегу можно разглядеть большое поселение с церковью. В правом углу вставки на флагштоке поднят белый стяг – свидетельство присутствия в имении хозяина.

На третьем панно вновь представлен пейзаж с Черной речкой (выше по течению). На протоке установлен мостик со смотровой площадкой. Серпантинные дорожки подчеркивают рельеф местности и ведут к главному фасаду усадебного дома. На дальнем плане видна Нева. На четвертой прямоугольной вставке изображена запруда, у которой стоит великолепный павильон Эрмитаж в готическом стиле, а перед ним, на другом берегу, – смотровая площадка «бельведер», украшенная скульптурами львов. В водоеме стоит уже знакомое нам по панораме Невы (восточное панно) одномачтовое судно, а далее слева виден большой арочный каменный мост, ведущий к хозяйственным постройкам.

Все четыре панно чрезвычайно точны и документальны, что позволяет предположить руку автора проекта. Введенные в статичные архитектурные пейзажи мотивы быта и природы придают изображениям особую живость и натуральность: в Черной речке плавают домашние птицы и лебеди, по дорожке от дома мчится большая белая собака (западная вставка), на плотках расположены фигурки сплавщиков леса по Неве, в лодке – рыбак или перевозчик (восточное панно).

Сличение фотографий Б. В. Волуйского и нарисованного Г. И. Лохановым плана усадьбы Богословка с архитектурными пейзажами особняка графини Н. Ф. Карловой показывают полную идентичность изображенных на них памятников архитектуры. Зная, что последняя постройка В. И. Беретти в Богословке («большой мост с аркою в 10 сажень ширины») была сооружена в 1834–1835 гг., мы можем с уверенностью утверждать, что роспись потолка была выполнена не ранее 1835 г. (окончание В. И. Беретти строительных работ в невской усадьбе), но и не позднее 1843 г. (перестройка городского

особняка В. Я. Лангвагеном). Предположение об авторстве Лангвагена в оформлении рассматриваемого интерьера менее убедительно, так как он, отчитываясь о проведенных им работах в особняке Н. В. Зиновьева в 1843 г., называет лишь надстройку здания третьим этажом с «исправлением дома по фасаду».

Скорее всего, оформление угловой гостиной дома на Фонтанке, 46, было осуществлено во второй половине 1830-х гг. архитектором Беретти, работавшим по заказу А. М. Дубянского, который настолько гордился своим великолепным невским именем, что пожелал запечатлеть его достопримечательности на плафоне городского особняка.

О Богословке современники писали: «Дача А. М. Дубянского расположена лучше всех, среди прекрасного парка, усеянного павильонами, беседками, узорчатыми грядами цветов, извилистыми каналами и дорожками»¹⁶. Теперь мы можем поверить восторженным откликам очевидцев, подняв глаза на один из плафонов городского особняка¹⁷, некогда принадлежавшего хозяевам Богословки.

---

¹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1842. (Цит. по: URL: http://n-discovery.spb.ru/news_full.php?id=402).

¹⁷ В особняке графини Н.Ф. Карловой сохранился еще один плафон, расписанный в стиле «второго рококо». Он представляет собой живописный свод трельяжной беседки, образованный растительными гирляндами и цветами. В переплетениях ветвей порхают бабочки, стрекозы, птицы. В обоих плафонах читается рука одного художника.

*Валерий Григорьевич Исаченко,
искусствовед*

Архитектор Главного штаба

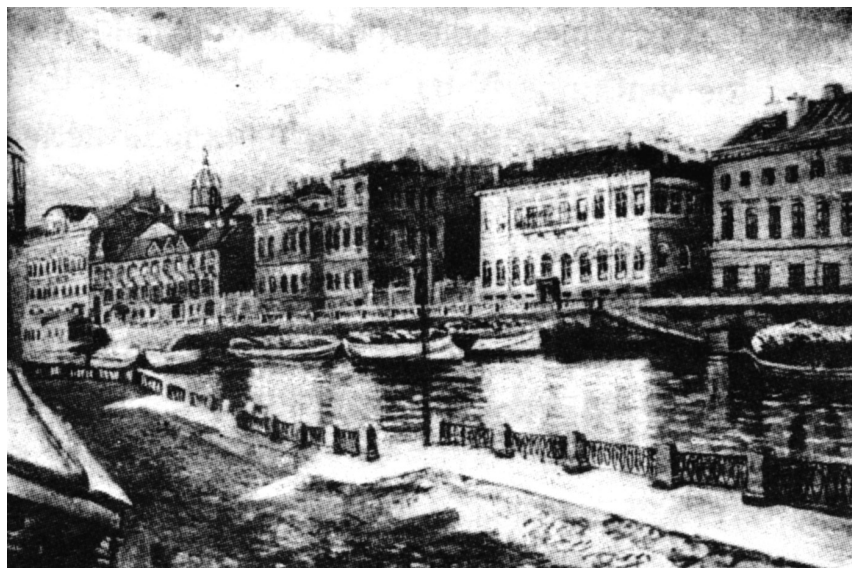
Эту ответственную должность на рубеже XIX–XX вв. занимал выдающийся и чрезвычайно разносторонний специалист, военный инженер Вадим Платонович Стаценко (1860–1918). Потомок запорожцев, выпускник Николаевской инженерной академии, он стремительно вошел в архитектурно-строительную жизнь Петербурга и России, изумляя коллег не только поистине энциклопедическими знаниями, но и благородством, душевной щедростью и отзывчивостью. Его жизнь и творчество могли бы стать темой для романа или кинофильма. Вадима Платоновича любили и ценили люди различных профессий – от врачей и школьных учителей до И. Е. Репина, с которым он сдружился в Куоккале, где помогал художнику в перестройке его дачи. Репин восторгался дачей Стаценко, построенной в стиле модерн (не сохранилась). Среди друзей архитектора был и Ц. Кюи – не только композитор, но и инженер-фортификатор. Оба были профессорами Инженерной академии и обладали незаурядными литературными дарованиями. Учебные пособия и научные труды Стаценко и сегодня представляют интерес для специалистов.

Впечатляет перечень зданий, созданных при активном творческом участии Стаценко: реставрация Главного Штаба (правая часть здания), здание Бестужевских курсов на 10-й линии, 33-35, огромный комплекс построек Военно-медицинской академии, Соляной городок, знаменитый ДЛТ на Б. Конюшенной, 21... Не подлежат учету его экспертизы, консультации – ведь он был одним из лучших знатоков всевозможных строительных материалов и конструкций, особенно железобетона.

Инженерное дело Стаценко называл Искусством и сам он был художником и строителем, деятелем культуры и науки. Его литературные труды достойны специального рассмотрения, особенно книга «Гражданская архитектура», выдержавшая 10 (!) изданий, последнее – в 1931 г. Особое внимание он

Фонтанка, 46. 1880-е гг.

Неизв. автор. Вид набережной Фонтанки от Графского переулка.

ГМИ СПб

уделял гигиене жилища и всестороннему просвещению народа. В 1896–1897 гг. по проектам Стаценко был построен крупный 5-этажный доходный дом герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого (ул. Рубинштейна, 5) и реконструирован его особняк на Фонтанке, 46 (с расширением вглубь двора). В доме № 5 зодчий жил с семьей до 1914 г., то есть до постройки своего дома (Крестовский остров, наб. Средней Невки, 60). А рядом находился яхт-клуб, членом которого был архитектор.

В 1899–1901 гг. Стаценко построил очень привлекательный по своему виду дом № 1\3 на углу Гусева (Ульяны Громовой) переулка и Знаменской (Восстания) улицы. Одна из лучших построек – приют для детей-эпилептиков на Ярославском проспекте, 4 (1907–1909) – первое в России учреждение такого рода. Стаценко также был инициатором сооружения этого здания.

Вадим Платонович не отличался хорошим здоровьем и умер в 1918 г. Его жена, Александра Васильевна, работала в музее истории Ленинграда и скончалась в блокадном городе. Память об этом прекрасном человеке живет в его постройках, в его книгах.

Доходный дом
Мекленбург-
Стрелицких,
ул. Рубинштейна, 5.
Совр. фото.

*Елена Васильевна Конохова,
директор Мемориальной библиотеки
князя Г. В. Голицына*

Особняк на Фонтанке – музыкальный центр Петербурга конца XIX – начала XX века¹

Герцог
Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий.
1888 г.

В 1895 году герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий приобрел дом на Фонтанке, 46. К этому времени он успешно продвигался по службе в Конногренадерском полку; добившись разрешения на морганатический брак, счастливо женился по любви, у него росли три дочери. Супруга герцога Мекленбургского, графиня Наталия Федоровна Карлова, разделяла интересы мужа, поддерживала идею создания частного квартета и превращения их дома в один из музыкальных центров Петербурга. Но еще полтора года после покупки особняка на Фонтанке семья герцога

жила в Ораниенбауме – в летней резиденции, так как необходимо было приспособить городской дом под нужды новых владельцев. В Ораниенбауме музыканты дали первые концерты, слушателями которых были домочадцы хозяина Квартета. Осенью 1897 года работы по переустройству жилища были закончены, и семья переехала в Петербург, в городской

---

¹ Статья публикуется по изд.: Музыканты и меценаты = Musiker und Mäzene: юбилейное издание к 150-летию основания Санкт-Петербургской консерватории и 20-летию основания фонда «Гартов» / [Фонд «Гартов» и др.; ред.: Бр. ван Канн и др.]. СПб., Гамбург, 2012. 303 с.

особняк, где сразу же забурлила музыкальная жизнь. В городской резиденции герцога дневные концерты начинались в три часа пополудни. Бывали и вечерние выступления. Состояли они обычно из двух отделений, в перерыве гостям подавался чай, а мужчины могли удалиться в курительную комнату для разговоров. О предстоящем концерте и его программе гостей оповещали телеграммами или письмами. Перед концертом из музыкальной библиотеки герцога желающим предлагались ноты, чтобы по ним следить за исполнявшимся произведением.

Выступление Квартета становилось значимым событием для всех членов семьи герцога Мекленбургского: его дочери изготавливали концертные программки, оформляя их лицевую сторону акварельными пейзажами или рисунками цветов. Младшие дети с нетерпением ожидали разрешения присутствовать на концертах наравне со взрослыми. В дневниковых записях все члены семьи – и родители, и дети – неизменно отмечали домашние концерты («музыку»), благодаря чему мы можем частично восстановить репертуар Квартета, судить о частоте его выступлений, знаем имена присутствовавших слушателей. Программы концертов не повторялись, и герцог предпочитал отменить концерт, если в силу каких-либо уважительных причин (например, внепланового выступления в Каменно-островском дворце сестры) музыканты не успевали подготовить новые произведения.

Графиня Н. Ф. Карлова.
Нач. 1900-х гг.

В числе слушателей можно было встретить родных и друзей хозяев дома, представителей российской аристократии, военных – сослуживцев герцога Мекленбургского, петербургских ценителей музыки, композиторов, музыкантов, музыкальных критиков. Неизменно на концертах присутствовали сестра и брат основателя Квартета – принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская и герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий, тесть Георгия Георгиевича – Ф. А. Ванлярский, большой ценитель музыки и полковой товарищ М. П. Мусоргского. Федор Ардалионович ввел Мусоргского в круг композиторов «Могучей кучки». Ему как своему товарищу по Семеновскому полку композитор посвятил романс «Не Божьим громом горе грянуло».

Часто посещали выступления Квартета и другие родственники графини Карловой – сестры, брат, семья ее двоюродного дяди Александра Сергеевича Танеева, начальника Императорской канцелярии и композитора-любителя. Сестра хозяйки дома, княгиня Екатерина Федоровна Цертелева – сама талантливая пианистка, выпускница консерватории, бывая в Петербурге, приятной обязанностью почитала присутствовать на концертах Квартета. Многие из тех, кто наслаждался музыкой еще в Михайловском дворце у великих княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, продолжили общение и с их потомками, бывая на Фонтанке, 46. Среди таких «наследственных» гостей были певица Ю. Ф. Абаза, обер-прокурор Синода в отставке К. П. Победоносцев с супругой, действовавший обер-прокурор Синода В. К. Саблер, много лет проведенный при Дворе великой княгини Екатерины Михайловны; доктор К. А. Раухфус, не только лечивший детей этой семьи, но и организовавший в их Ораниенбауме детские лечебно-оздоровительные учреждения. Концерты на Фонтанке регулярно посещали воспитатель герцога 1870-х годов А. М. Васильев – инспектор научных классов Консерватории и директор Петровского коммерческого училища; Ц. А. Кюи – преподаватель фортификации герцога и композитор-любитель; барон Ф. Ф. Врангель – воспитатель младшего брата герцога Михаила Георгиевича, известный гидрограф и метеоролог. Охотно приходили на музыкальные вечера семьи друзей детства герцога Мекленбургского – князей Оболенских и Гагариных, а также химик академик Ф. Ф. Бейльштейн, юристы А. Ф. Кони и

И. И. Карницкий, литературный критик В. В. Стасов, художники А. Н. Бенуа и Э. К. Липгарт, академик и сейсмолог князь Б. Б. Голицын. Послушать музыкантов герцога приходили начальник Придворного оркестра барон К. К. Штакельберг, директор Императорских театров князь С. М. Волконский, профессора и преподаватели Петербургской Консерватории Л. А. Саккетти, Р. В. Кюндингер, Л. В. Николаев, Я. Я. Гандшин, директор Консерватории и композитор А. К. Глазунов, скрипач Л. С. Ауэр, пианист А. И. Зилоти, композиторы А. С. Аренский, С. И. Танеев, Ц. А. Кюи, немецкий композитор и создатель частной музыкальной школы в Петербурге В. В. Кюнер и др.

Посещение квартетных собраний на Фонтанке, 46, было свободным, в конце 1900-х годов их завсегдаем стал князь Владимир Эммануилович Голицын – будущий супруг старшей дочери герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого графини Екатерины Карловой. По его воспоминаниям, правила для гостей были просты: не опаздывать и не переговариваться во время концерта. Нарушители никогда больше не приглашались².

Весной 1898 года супруга герцога графиня Н. Ф. Карлова с детьми уехала за границу, впервые надолго оставив мужа, который решил и в отсутствие хозяйки продолжать музыкальную жизнь своего дома. Он, как обычно, помногу репетировал с Квартетом, пытаясь добиться совершенного звучания, о чем писал супруге: «По приезде домой я репетировал с Квартетом [Квартет] f-moll Бетховена, который они так неудачно исполняли на последнем нашем вечере. Кажется, теперь они поняли»³. Через несколько дней он вновь сообщает графине о репетициях: «В $1\frac{1}{2}$ 12 репетиция с Квартетом [Квартета] f-moll Бетховена (хорошо пойдет). Я забыл упомянуть о том, что в пятницу вечером от 7 [до] 9 еще прорепетировали Clarnetten Quintett [Кларнетный квинтет. – нем.] Моцарта и Clarnetten Trio [Кларнетное трио. – нем.] Бетховена с Blumenфельдом – все очень хорошо»⁴.

---

² Galitzine V., *Prince*. My memoires. Лондон, 1946. С. 11. Машинопись на англ. яз. Архив князей Голицыных, Лондон.

³ ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1231. Л. 11 об.

⁴ Там же. Л. 20.

Для исполнения камерных произведений в расширенном составе привлекались петербургские музыканты: в Трио Бетховена для фортепиано, скрипки и виолончели участвовал молодой пианист Ф. Блуменфельд, а в Квинтете Моцарта играл В. Бреккер – талантливый, многообещающий кларнетист. Герцог Мекленбург-Стрелицкий характеризовал будущего профессора Петербургской консерватории следующим образом: «...кларнетист Бреккер очень хорош. Это какой-то скрытый талант, который отыскал рара Неупе [папа Гейне (альтист Б. К. Гейне). – *нем.*]. Вообрази, что такой кларнетист играет всякие гадости во время антрактов представлений Александровского театра и вовсе не желает перейти в русскую оперу, так как в опере стало теперь буквально нестерпимо!!! Его legato с длинным дыханием просто великолепно, а staccato изумительное...»⁵

Приличия того времени требовали не принимать дам в отсутствие супруги, поэтому герцог решил устроить вечер только для мужчин. Весной 1898 года особняк на Фонтанке стал уже признанным музыкальным центром Петербурга, о чем свидетельствовал разговор хозяина дома с Ю. Ф. Абаза, недоумевавшей по поводу «мужского» концерта: «В течение вечера мад[ам] Абаза спрашивает, скоро ли у меня будет музыка? Я отвечаю, что в воскресенье, но что только при мужской публике. Она: “Aber warum denn! Ihr Haus ist ja ein musikalisches Centrum und das machen Sie nun jetzt zu? [Отчего же! Ваш дом – музыкальный центр, и Вы его теперь закрываете? – *нем.*]”. Я возражаю, что мне просто неловко приглашать дам...»⁶ Дневной концерт для мужчин состоялся 27 марта 1898 года. В письме супруге герцог подробно описал его: «Вчера в 3 часа состоялось первое музыкальное собрание со времени Твоего отъезда. Я, признаюсь, таки побаивался, как это пойдет без Тебя? Обошлось, однако, все же благополучно, хотя характер совсем другой: мужчины себя чувствуют совсем свободно, – курят во время музыки, но слушают внимательно. Продолжается музыка гораздо меньше времени, всего 2 часа, так как приглашенных гораздо меньше, а чай подается с рук,

---

⁵ Там же. Л. 20 об.

⁶ Там же. Л. 26 об.

на подносах, то очень сокращается антракт после второго номера. Прилагаю список гостей. Что вообще касается до исполнения, то оно на репетиции шло лучше: Квартет f-moll Бетховена прошел весьма удачно, а бетховенский Трио с кларнетом и Квинтет кларнетный Моцарта были менее благополучны, – кларнетист сконфузился, и в Трио раз вступил слишком рано, а в Квинтете позабыл, что менуэт играется со всеми повторениями. Все же было довольно мило»⁷. На концерте присутствовал немецкий композитор и пианист, ученик Листа – Бернанд Ставенгаген, приехавший в Петербург дирижировать операми Р. Вагнера. Впечатленный игрой музыкантов композитор выразил желание сыграть с Квартетом герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого Трио с-moll Бетховена и Квинтет Шумана. Но, прорепетировав с музыкантами, Ставенгаген в последний момент отказался от выступления, сославшись на отсутствие ежедневной практики, а ансамблисты герцога блестяще и без репетиции сыграли «...Квартет f-dur А. Г. Рубинштейна с таким *etntrain* [увлечением. – *фр.*], что даже удивился Ставенгаген»⁸, посетивший концерт.

Музыканты не считались со своим временем, репетировали больше, чем было предписано в Статуте, и даже были готовы работать в отпуске. Герцог писал жене: «Были у меня с визитом Каменский и Буткевич, которые, несмотря на то, что теперь считаются в отпуску, предложили свои услуги и охотно хотят играть Трио с Блуменфельдом. Признаюсь, что с их стороны мне это очень понравилось и им это будет очень полезно»⁹. Предложение музыкантов было особенно приятно Георгию Георгиевичу, так как речь шла о концерте, которым квартетисты решили отметить день рождения все еще находившейся за границей супруги герцога. Через неделю герцог рассказывал ей: «Третьего дня была у меня в городе репетиция с Блуменфельдом, Каменским и Буткевичем. Я лично с ними прошел Трио b-dur Шуберта для музыкального вечера на Каменном [острове]. Ach, wie schoen, wie schoen. Man findet immer noch etwas Neues darin! [Ах, как прекрасно,

---

⁷ Там же. Л. 29-30 об.

⁸ Там же. Л. 36 об.

⁹ Там же. Л. 60-61.

как прекрасно. Всегда находишь в нем что-то новое! – *нем.*]. Кроме того, еще будут играть Трио f-dur Шумана. Ну, это Блюменфельд любит, и он их сам вышколит»¹⁰. День 40-летия графини Н. Ф. Карловой (4/16 мая 1898 года) в отсутствие именинницы отпраздновали концертом: «А сама музыка сошла очень благополучно – как Трио Шуберта, так и Трио Шумана. Сестра даже сожалела, что не приготовили третьего трио»¹¹. Тогда же было решено подготовить специальный вечер к возвращению графини с детьми. С конца августа, вернувшись из отпуска, струнный ансамбль возобновил репетиции. Георгий Георгиевич сообщает Наталии Федоровне в конце октября 1898 года: «Сегодня утром опять была репетиция нашего Квартета, в большой гостиной пробовали Квартет Макса Бруха. Мне как-то радостно было опять услышать столь знакомые звуки в симпатичной обстановке!»¹².

Интенсивная работа дала свои результаты: с 1898 года Квартет герцога Мекленбург-Стрелицкого начал обретать широкую известность, а особняк стал восприниматься современниками как серьезный музыкальный центр. Здесь, помимо Квартета хозяина дома, выступали талантливые музыканты со своими программами, давали сольные концерты пианисты Александр Зилотти, Иосиф Рубинштейн, скрипач Леопольд Ауэр. Герцог не без гордости делился с супругой своими планами: «Музыканты просто осаждают наш дом: Martean [французский музыкант и композитор Анри Марто. – *Е. К.*], скрипач, непременно хочет у нас играть и будет здесь в первой половине будущего января. Мы с ним уже сговорились, что он будет играть у нас Крейцерову сонату Бетховена с Познанской [польская пианистка С. К. Познаньская (Рабцевич). – *Е. К.*] или др. пианистом с именем. С Богемским квартетом я уже условился, через Грюнфельдта в Вене, на 7-ое февраля, в воскресенье»¹³. С французским скрипачом Анри Марто была достигнута договоренность о концерте на 10 января 1899 года. Служебные обязанности не позволяли герцогу Мекленбург-

---

¹⁰ Там же. Л. 71 об.-72.

¹¹ Там же. Л. 73-73 об.

¹² Там же. Л. 104 об.

¹³ Там же. Л. 138.

скому отдаться музыкальной деятельности всецело, и все же он не оставлял репетиций. Общение с «его взрослыми детьми», как называл герцог квартетистов, приносило ему радость: «Вчера утром, после довольного перерыва, был я опять на репетиции нашего Квартета, проходили 15-й Квартет Бетховена, а-молль, только первую часть. Это очень интересно und man kann so viel hineinlegen [и в это можно так много вложить. – нем.]. Проходили и Квартет Бородина, который исполним [в] эту зиму»¹⁴.

Создав струнный квартет, герцог Мекленбург-Стрелицкий предоставил музыкантам инструменты работы Гварнери (2 скрипки и виолончель), но ему долго не удавалось найти достойный альт. После одного из публичных выступлений герцогу передали, что профессор Бейльштейн то и дело указывал вперед пальцем и говорил: «Какой подлый альт рядом с такими прелестными другими инструментами. Что этот герцог не соберется силами и не купит четвертого инструмента!»¹⁵. Но основатель Квартета долго ждал возможности приобрести хороший инструмент. К тому же содержание ансамбля обходилось достаточно дорого. Он с сожалением писал графине Н. Ф. Карловой: «... я не покупаю альта Альбрехта, потому что он стоит 4 т[ысячи рублей] и мне теперь стеснительно их выкладывать!»¹⁶. Позже Георгий Георгиевич приобрел альт великого итальянского мастера, завершив создание уникального по звучанию ансамбля. Герцог Мекленбургский заботился не только об инструментах, но и о струнах для них, обращался к супруге, находившейся во Франции, с просьбой: «Ты бы могла сделать мне огромное одолжение, будучи во Франции и так близко от Парижа: справься, пожалуйста, где для Квартета можно купить лучшие струны французские, и купи мне струны по этой прилагаемой табели, составленной Пара Неупе [папой Гейне (альтистом Б. К. Гейне). – нем.]»¹⁷. Графиня поспешила выполнить просьбу мужа и отправила с оказией через графа Татищева драгоценный груз.

---

¹⁴ Там же. Л. 153-153 об.

¹⁵ Там же. 93 а-94.

¹⁶ Там же. 114 об.

¹⁷ Там же. Л. 136.

К сожалению, послереволюционная судьба инструментов Гварнери, принадлежавших герцогу Г. Г. Мекленбург-Стрелицкому и предоставлявшихся музыкантам Квартета, неизвестна и требует еще отдельного исследования. Владимир Бакалейников перед отъездом за границу в 1925 году сдал свой альт в Государственную коллекцию струнных инструментов. В настоящее время в Российской коллекции уникальных музыкальных инструментов под № 104 значится альт работы Андреа Гварнери (XVII в.). Среди его владельцев герцог Мекленбург-Стрелицкий назван, в нарушение хронологии, перед графом Виельгорским, а среди абонентов указан В. Р. Бакалейников. Но, как нам известно, инструмент музыкантом был сдан в 1925 году, а по документам он значится как поступивший в 1919 году.

Среди слушателей в особняке на Фонтанке бывали и августейшие родственники герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого – представители дома Романовых. Наиболее часто посещал музыкальные вечера у своего троюродного брата великий князь Константин Константинович, который был большим знатоком и ценителем искусств, поэтом и президентом Российской академии наук. Послушать Квартет приезжали императрица Александра Федоровна с великой княгиней Елизаветой Федоровной. Однажды августейшие сестры пришли «на музыку», спутав день. К счастью, в это время музыканты репетировали в особняке, и было решено дать экстренный концерт только для двух слушательниц. Следует отметить, что Квартет герцога неоднократно выступал по приглашению императора Николая II в Александровском дворце в Царском Селе; по приглашению великого князя Константина Константиновича в его дворцах; по приглашению великого князя Сергея Александровича играл в Москве. Вдовствующая императрица Мария Федоровна также посещала домашние концерты у своего троюродного брата герцога Мекленбургского. Участник одного из таких концертов скрипач Леопольд Ауэр, заменивший внезапно заболевшего Бориса Каменского, оставил нам воспоминания об этом вечере: «Однажды, незадолго перед смертью, он [герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий] пришел ко мне утром, совершенно запыхавшийся и сильно

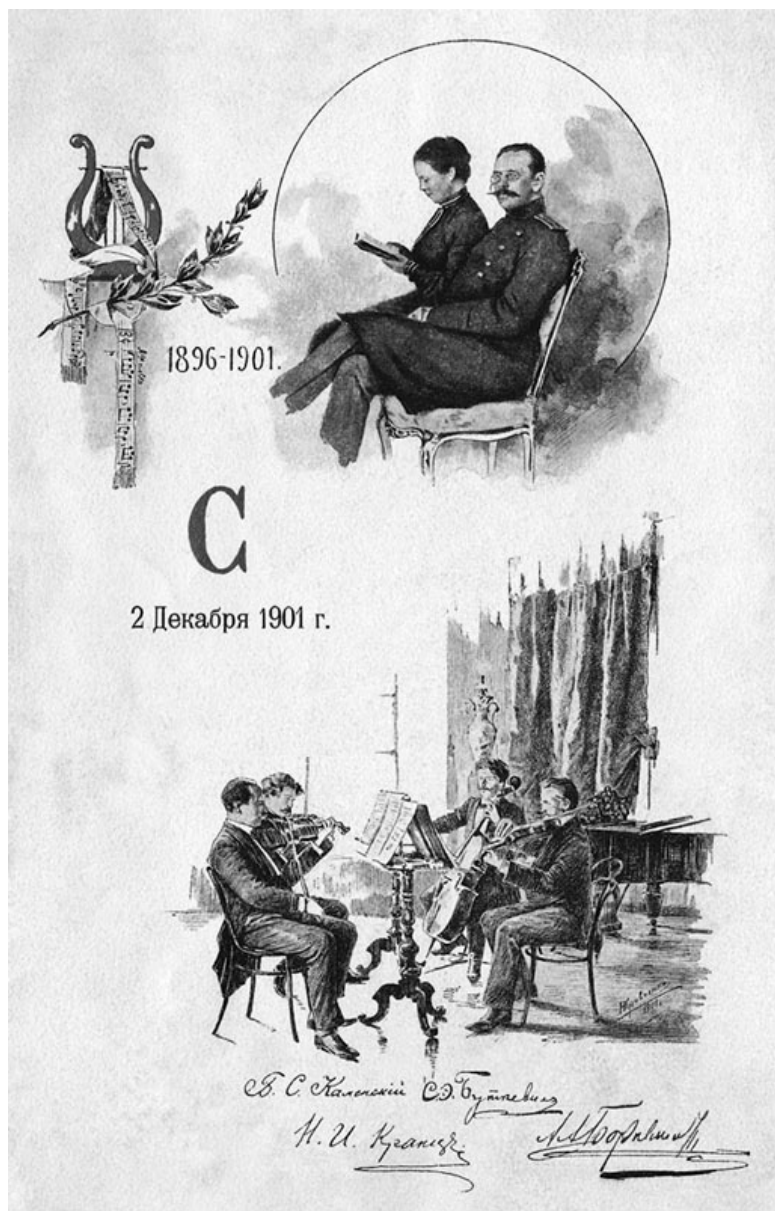

взволнованный. <...> Оказалось, что вечером того же дня у него был назначен музыкальный вечер, на который обещала прибыть Вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Это было выдающимся событием, так как она очень редко выезжала из дворца и то лишь на официальные приемы. Вместе с ней, разумеется, была приглашена и часть ее приближенных, и это придавало ее выезду как бы официальный характер. <...> Накануне указанного вечера серьезно заболел Борис Каменский, первая скрипка Квартета. <...> Отложить вечер после того, как Вдовствующая Императрица в течение нескольких недель готовилась присутствовать на нем, представлялось чрезвычайно неприятным для герцога и его семьи. И вот герцог решился обратиться ко мне, не соглашусь ли я спасти положение. <...> По окончании программы Императрица поблагодарила исполнителей и уехала, а другие гости остались на ужин, во время которого принц Георг поднял бокал и выразил мне публичную благодарность. Несколько дней спустя принц Георг и графиня Карлова приехали ко мне и привезли великолепную вазу самой изящной работы, в память спасенного вечера»¹⁸.

В 1901 году в особняке на Фонтанке, 46, особо торжественно проходил сотый концерт Квартета¹⁹. Это был двойной праздник, так как в этот день отмечалось и 5-летие творческой деятельности музыкального коллектива. Герцогу Мекленбургскому постоянные слушатели преподнесли памятный адрес: на титульном листе акварелист Альберт Бенуа запечатлел интерьер Большого зала особняка на Фонтанке, в котором обычно выступал Квартет. Автографы в великолепной праздничной виньетке Эрнеста Липгарта оставили слушатели, среди которых были графы Шереметевы и Шуваловы, князья Юсуповы и Гагарины, бароны Фредерикс и Штакельберг, Голенищевы-Кутузовы, Сабуровы, Шведеры, Саблеры, Ю. Ф. Абаза, барон Л. Корф, композиторы А. Аренский и Ц. Кюи, пианист А. Зилоти, вдова виолончелиста К. Давыдова и многие другие. Был также подготовлен стихотворный адрес, оформленный художником Н. И. Кравченко, который запечатлел на титульном

¹⁸ *Дуэр Л. С.* Указ. соч. С. 104-105.

¹⁹ *Попова Г. А.* Особняк графини Карловой. СПб., 1996. С. 27-29.

Программа концерта квартета герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого.
2 декабря 1901 г.

листе герцога Г. Г. Мекленбургского с супругой, графиней Н. Ф. Карловой, слушающих музыку, и вдохновенно играющих музыкантов. Солисты Квартета оставили подписи под своими изображениями. Римские цифры указывали на двойной юбилей: 5-летие (V) создания квартета и его 100-й (L) концерт с момента основания. На развороте адреса, оформленном изображением гирлянд цветов и мелодий, струящихся в виде нот из рога изобилия, фигурок путти, играющих на музыкальных инструментах (флейте и скрипке), были напечатаны любительские стихи по случаю торжества. Заключительное четверостишие содержало восхваление хозяев дома, в сотый раз устроивших концерт Квартета:

«За радость высших наслаждений
Благодарим приветный дом,
Где нас стократ искусства гений
Касался ласковым крылом»²⁰.

Архивные документы личного характера (письма, дневники), являющиеся основным источником для изучения истории домашних концертов герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого и графини Н. Ф. Карловой, зачастую не дают полного представления о характере музыкальных вечеров, их программе, числе и составе слушателей. Например, из дневниковых записей Наталии Федоровны о концертах весной 1903 года не всегда ясно, какие произведения исполнялись и в какой роли присутствовал тот или иной музыкант – в качестве солиста или гостя: «Музыка, у нас м[исте]р Эрлих [виолончелист Рудольф Эрлих. – *Е. К.*] и Эзи [герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий. – *Е. К.*]. Музыка чудесная» (1 февраля); «Музыка у нас оч[ень] хорошая» (15 марта), «У нас Арнольд Розе [австрийский скрипач, концертмейстер Венской оперы, организатор струнного квартета. – *Е. К.*]» (22 марта)²¹.

Идея пригласить квартет А. Розе давно появилась у Георгия Георгиевича: Густав Малер, посетивший Россию весной 1902 года, писал в те дни своей сестре: «Вчера я был в одном обществе, где долго беседовал с герцогом Мекленбургским (членом Императорской фамилии), у которого есть собственный

²⁰ ГАРФ. Ф.618. Оп. 2. Д. 492. Л. 1 об.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 1231. Л. 33. Л. 29 об., 36 об.

домашний квартет и который сам является усердным музыкантом. Он очень воодушевленно говорил о Квартете Розе (не зная, что Арнольд – мой свояк) и заявил, что в настоящее время это самый лучший квартет в мире. <...> Все были бы весьма заинтересованы в том, чтобы Арнольд выступил здесь со своим квартетом; возможно, я смогу этому поспособствовать в следующем году»²².

Иногда выступление музыкантов на Фонтанке завершалось обедом или приемом, а порой обед предшествовал концерту. Средняя дочь герцога Мекленбургского – графиня Мария Георгиевна Карлова 3 мая 1913 года сделала в своем дневнике такую запись: «Обед на Фонтанке с членами съезда Академии наук. После музыка: 2-й квартет Бородина, пела Абакевич [камерная и оперная певица Елизавета Обокевич. – *Е. К.*], квартет Чайковского “Ваня”»²³.

Композитор Петр Шенк, чьи произведения находились в репертуаре квартета с 1902 года, оставил нам интересное свидетельство о концерте, на котором был исполнен его струнный квартет: «Зал дворца герцога Мекленбургского и соседние комнаты были заполнены блестящим приглашенным обществом. Квартетисты представили меня герцогу Георгию Георгиевичу Мекленбургскому, а тот в свою очередь познакомил меня со своей женой, графиней Карловой. Из музыкального мира среди приглашенных были Глазунов, Аренский и А. С. Танеев, с последним я впервые познакомился; присутствовал также мой бывший директор князь С. М. Волконский. <...> По окончании концерта... герцог сказал мне несколько комплиментов по поводу моего квартета, а затем пригласил вместе с гостями в буфет. Там нам предложили весьма роскошное угощение, но, конечно, музыканты сгруппировались в одном конце, а высокопоставленные особы и сановники в другом. Аренский и Глазунов приналегли сейчас же на вина и шампанское»²⁴.

---

²² *Mahler G. Liebste Justi!* Bonn, 2006. С. 258.

²³ ГАРФ. Ф. 618. Оп. Д. 39 а. Л. 36.

²⁴ РО РНБ. Ф. 853. Оп. 1. Д. 19. Л. 241. Благодарю Т. А. Давыдову за указанный источник.

Герцог по-прежнему охотно репетировал с музыкантами, отбирал солистов на освободившиеся вакансии, с ним согласовывался репертуар, план гастрольных поездок. Забота Георгия Георгиевича о созданном им ансамбле, требовательность к музыкантам помогала им постоянно расти профессионально и покорять новые высоты. В 1909 году коллектив покинул Борис Каменский (первая скрипка), на место которого был принят чешский скрипач Ян Коциан. После первого выступления с новым участником сын герцога, 10-летний граф Георгий Карлов, записал в своем дневнике: «25-го [августа] вечером у нас была музыка, и Коциан всем очень понравился, а Папа говорит, что ему еще многому надо учиться»²⁵. Чешский музыкант был счастлив возможности принять хоть и недолгое участие в таком замечательном музыкальном коллективе.

С кончиной герцога, несмотря на начавшуюся Первую мировую войну, музыкальная жизнь в доме его вдовы графини Н. Ф. Карловой не прекращалась, хотя частота концертов сократилась, так же как уменьшилось количество слушателей: многие ушли на фронт. Примечательный концерт состоялся в память о князе императорской крови Олеге, погибшем на войне. Он был сыном ближайших родственников и друзей семьи Мекленбургских – великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны.

О событиях осени 1914 года в своих воспоминаниях рассказывает альтист Владимир Бакалейников: «Часто встречая в[еликого] к[нязя] Константина Константиновича на концертах в Каменноостровском дворце, где Квартет герцога Мекленбургского давал свои еженедельные программы, члены Квартета, узнав о постигшем великого князя горе, решили выразить ему свое соболезнование, послав телеграмму со словами сочувствия. В ответ на нашу телеграмму великий князь, поблагодарив нас за сочувствие, выразил пожелание услышать в самом ближайшем будущем чудные звуки Гварнери (Квартет играл на четырех инструментах великого итальянского мастера Гварнери) в произведениях Моцарта и Бетховена, музыка которых, по выражению великого князя, дает полный душевный покой, так необходимый ему и великой княгине в настоящую

---

²⁵ Там же. Д. 515. Л. 9 об.

минуту. Через посредничество принцессы Е. Г. Саксен-Альтенбургской мы зафиксировали место, день и час нашей игры для Константина Константиновича. Встреча Квартета и великого князя состоялась на Фонтанке, во дворце герцога Мекленбургского, в штаб-квартире нашего Квартета. Великий князь с женой приехал туда, попросив заранее не сообщать никому об их приезде. Таким образом, Квартет выступил, в первый и последний раз за все свое существование, перед аудиторией из двух слушателей. Приехав во дворец, они тихо прошли в нашу репетиционную залу и уселись скромно в уголке, не проронив во время исполнения ни одного слова, но пролив бесконечное количество слез: оба они плакали безудержно. Когда мы кончили третью часть Ми-минорного квартета, где Бетховен пользуется русским мотивом “Слава”, мы, как бы желая подчеркнуть, что молодой князь умер смертью “славных” решили не играть четвертой части из-за игривого характера музыки, на что великий князь, возражая, сказал: “Страдания Бетховена были неизмеримы, и если он мог творить в минуты горя и отчаяния такие радостные страницы, то я и княгиня также почувствуем радость музыки в нашем скорбном сердце”. Мы долго еще играли. Играли хорошо, вдохновенно. Мы чувствовали со всей силой, как каждый звук, каждая фраза проникала в душу наших слушателей, которые совершенно своеобразно прослушали “панихиду” по безвременно погибшем сыне»²⁶. Как следует из дневниковых записей графини Н. Ф. Карловой, память немного подвела В. Р. Бакалейникова: на концерте-прощании с князем Олегом помимо самой хозяйки дома присутствовала великая княгиня Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская.

Ко второй годовщине смерти герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого в газете «Новое время» появилась статья его памяти, с подписью: «один из благодарных посетителей квартетов». В ней говорилось следующее: «Квартетные утра или вечера у герцога (а их было более 200) потому и были всеми так любимы, что в них чувствовался и жил дух редкой, настоящей любви к музыке. То благоговейное отношение, какое герцог требовал от всех во время исполнения, и придавало

---

²⁶ *Бакалейников В. Р.* Записки музыканта. Нью-Йорк, 1943. С. 95-96.

этим собраниям непередаваемую окраску – достойного служения истинному искусству. Те настроения, которые рождались в душе после исполнения Квintета Шумана или Аренского, после cis-moll'ного Квартета Бетховена или Трио Чайковского, не даст никакая концертная зала, и все это благодаря собственному отношению хозяина к своему детищу – Квартету; испытав от него сам столько наслаждения, он дал возможность испытать его и многим другим, навсегда оставшимся ему благодарными за это. После Квартета, спускаясь по лестнице гостеприимного дома, чувствовали, что эти несколько часов прожиты не даром, что приобретено нечто неизгладимое»²⁷.

Особого внимания заслуживают отношения Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого с музыкантами: для них были созданы прекрасные условия работы, предоставлены великолепные музыкальные инструменты, они получали достойное вознаграждение, пользовались летними квартирами в Ораниенбауме. Члены семьи герцога не забывали направить квартетистам поздравительные телеграммы по случаю праздника или успешного выступления, устроить в их честь обед, посетить с музыкантами какой-нибудь известный петербургский ресторан. Одна из записей в дневнике графини Карловой гласит: «Обед “У Дани” с Квартетом»²⁸. Беспокоясь о музыкантах, оказавшихся на юге России во время забастовок, герцог Мекленбургский 4 декабря 1902 года спешно писал брату из Франкфурта: «Не видел ли Ты моих квартетистов после их возвращения с концертного путешествия? Не попали ли они в Ростове-на-Дону в самые дни рабочих беспорядков?»²⁹.

В свою очередь члены Квартета во время гастролей не оставались безучастны к тревогам и радостям своего патрона. Их, например, волновало состояние «здоровья графчика [графа Г. Карлова, сына герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого – Е. К.] после кори»³⁰. Как семейный праздник отмечались

---

²⁷ Памяти герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого // Новое время. 1911. 24 нояб.

²⁸ ГАРФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 22. Л. 56.

²⁹ Там же. Д. 533. Л. 133.

³⁰ Цит. по: *Конихова Е. В.* Музыка в жизни герцогов Мекленбург-Стрелицких // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома. СПб., 2005. С. 198.

годовщины образования музыкального коллектива. Несчастья в семье герцога Мекленбургского музыканты, действующие и уже покинувшие Квартет, воспринимали как личные: они направили сердечные телеграммы и письма соболезнования графине Н. Ф. Карловой по случаю смерти супруга и младшей дочери.

Накануне похорон герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого, 24 ноября 1909 г., музыканты играли его любимый Квартет A-moll Шуберта в дворцовой лютеранской церкви в Ораниенбауме, где для прощания был установлен гроб с телом покойного. Это было расставание Квартета со своим организатором, вдохновителем и покровителем. В связи со смертью герцога музыканты не отменили запланированный в декабре в Малом зале Консерватории концерт и спустя две недели после скорбной утраты играли, отдавая дань памяти Георгию Георгиевичу. Зал был переполнен. На сцене в обрамлении экзотических цветов и траурных лент стоял портрет основателя Квартета, написанный маслом. Хроникер отмечал: «По предложению г[осподина] Борнемана публика почтила память покойного герцога вставанием и стоя же выслушала *Andante funebre* из Квартета Чайковского»³¹. Соответствующей случаю была программа концерта: помимо фрагмента из квартета-панихиды П. И. Чайковского по своему другу Лаубу и квинтетов Шумана и Шуберта, музыканты исполнили также написанные герцогом в 1885 году миниатюрную сюиту для квартета в пяти частях: «Воспоминание из детства», «Колыбельная песня», «Менуэт», «Сказочка», «Детский сон». Вот цитата из рецензии музыкального критика Н.Д. Бернштейна, присутствовавшего на том концерте: «Это произведение [сюита герцога Мекленбургского. – Е. К.] состоит из пяти частей и свидетельствует о весьма симпатичном композиторском даровании покойного. Каждая часть миниатюр носит особое заглавие, вполне и точно определяющее звуковое содержание. <...> Все эти части проникнуты каким-то особенно милым музыкальным настроением, вызванным, однако, исключительно благородными приемами. Автор не прибегает ни к каким звуковым экстравагантностям: он пишет просто, не насилуя ни своего дарования, ни

³¹ Театр и музыка // Новое время. 1909. 9 дек.

своего вкуса. В том и в другом отношениях он следует лишь за внутренним своим голосом, и, благодаря этой непосредственности, квартет производит такое прекрасное, привлекательное впечатление. Нельзя не пожелать, чтобы произведение это не оказалось разученным лишь для данного печального случая, а осталось репертуарной пьесой Квартета его высочества»³². Остается сожалеть, что до сих пор эта миниатюрная сюита герцога Мекленбургского не обнаружена. Через 4 года Квартет имени герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого вновь играл по печальному случаю в лютеранской церкви в Ораниенбауме: безвременно ушла младшая дочь покойного. Музыканты, оплакивая всеобщую любимицу, исполнили «Девушку и смерть» Шуберта у гроба юной графини Натальи Георгиевны Карловой.

После смерти герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого, вплоть до 1917 года дом его супруги, графини Н. Ф. Карловой, оставался признанным музыкальным центром Петербурга. Несмотря на тяготы Первой мировой войны, осенью и зимой 1916-1917 года патронесса Квартета – принцесса Саксен-Альтенбургская совместно с ее подростком племянником, 17-летним лицеистом графом Георгием Карловым, организовали череду праздничных концертов, посвященных 20-летию Квартета имени герцога Г. Г. Мекленбургского: осенью – в Ораниенбауме, зимой – в Малом зале Консерватории и дома, на Фонтанке, 46. Герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий с раннего детства воспитывал в своем сыне музыкальный вкус. Игре на фортепиано юного графа Карлова обучали А. Борнеман, А. А. Вульфийус (позднее занимавшийся с ним и игрой на органе), профессор Петроградской консерватории Л. В. Николаев; теорию музыки преподавал также профессор Консерватории А. А. Петров. Граф Карлов развлекал своих друзей, приехавших в Ораниенбаум в январе 1917 года, исполнением на органе в лютеранской церкви прелюдии и фуги Баха. Юноша проявлял большие музыкальные способности, хорошо знал мировое музыкальное наследие, историю музыки, музыкальную литературу – все это позволило ему самостоятельно

---

³² *Бернштейн Н.* Зал Консерватории // С.-Петербургские ведомости. 1909. 9 дек.

составить программу юбилейных концертов в особняке на Фонтанке. Многие восприняли участие повзрослевшего сына герцога Мекленбургского в подготовке юбилея струнного ансамбля как знак обретения музыкальным коллективом в недалеком будущем нового покровителя и руководителя, возможно, не менее увлеченного и талантливого, чем его покойный отец. Праздничный цикл состоял из шести концертов, каждый вечер исполнялось три произведения, продолжительность которых не превышала 35 минут. Программа состояла из лучших образцов камерной музыки: квинтета Шумана, квартета для фортепиано Брамса, квартеты, трио и квинтеты Гайдна, Моцарта, Бетховена, Аренского, Бородина, Чайковского. В эти дни были исполнены и два произведения герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого: «Пять миниатюр» и Фортепианное трио. В концертах приняли участие петербургские музыканты: партию фортепиано исполняли госпожа Р. О. Лифшиц и профессор Л. В. Николаев, 2-го альта – Д. З. Карпиловский, кларнета – Бай и солист оркестра Мариинского театра С. Бейлезон. Среди публики присутствовали родные и друзья семьи, а также музыканты, композиторы, музыкальные критики Петербурга. На одном из выступлений в домашней библиотеке на Фонтанке была сделана фотография Квартета-юбилера с графом Георгием Карловым и ведущими музыкальными обозревателями петербургских периодических изданий. Эти вечера явились завершающим аккордом в симфонии блестящей музыкальной жизни дома герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого.

Дом на Фонтанке:
сборник статей

Сост.: Бушина С. С. и др.

Гл. ред. Кузнецова Т. В.

– СПб.: «Северная звезда», 2013. – 104 с.

Отпечатано в типографии издательства «Северная звезда»
196128, Санкт-Петербург, Варшавская ул., д. 23, к.1

Печать офсетная. Формат 60x84/16. Гарнитура «Петербург».
Печ. л. 6,5.
Тираж 200 экз.